

Россия, Украина, Белоруссия — какой бы ни была политическая ситуация в мире, для наших трех стран 22 июня навсегда останется важным и памятным днем. Днем, что напоминает нам обо всех погибших в боях, о замученных в фашистской неволе, умерших в тылу от голода и лишений. Мы скорбим по всем, кто в те непростые времена защищал и прославлял отечество

Данное издание решено сделать ежегодным, чтобы защищать память о нашей непростой истории в те годы. Пускай, сейчас часто любят переписывать события прошлого. Но пока живы писатели, что сумели прочувствовать всю тяжесть того военного времени, благодаря общению с защитниками нашей Родины — мир будет помнить и искренне чтить такую важную дату, как 22 июня.

Сборник, который вы держите в руках, дорогой читатель, свидетельствует о подлинном интересе современных писателей к отечественной истории. Авторы со всех уголков нашей станы откликнулись на приглашение принять участие в составлении книги. Можете принять участие в поддержке Дня памяти и скорби и вы! Достаточно поделиться впечатлениями о прочитанном в социальных сетях с хештегом #22июня, рассказать о прочитанном друзьям или просто, подарить близкому человеку это замечательную книгу!

***Ваш,
Никита С.Митрохин
редактор-составитель***

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
М67

Главный редактор: Никита С. Митрохин
Технический редактор: Василиса Ивина
Редакторы: Дмитрий Глазков
Корректор: Андрей Василевский
Верстка: Михаил Горин

Подписано в печать: 10.06.2017
Выпуск книги: 22.06.2017

Издательство:
НАП и СМИ «Русский литературный центр»
143423, МО, Красногорский район, пос. «Истра», д. 20.

Торговое представительство «Книжный ряд»
119019, Москва, Калашный переулок, 3
Общий тираж: 11 000 экз.

По вопросам распространения обращаться:
info@litagency.ru,
+7(495) 535-09-72

ББК 84(2Рос=Рус)6
УДК 821.161.1

ISBN

- © Городская организация Союза писателей
- © Национальное агентство по печати и СМИ
«Русский литературный центр»

РАЗВЕДКА БОЕМ

Ким Ярушко

17-й Кантемировский танковый корпус вместе с подразделениями 11-го стрелкового Прикарпатского корпуса вплотную подошли к форсированию р. Буг. На другой стороне немцы сосредоточили танковые артиллерийские отборные эсэсовские части. Кроме того, на глубину до 20 км. по данным нашей разведки, немцы организовали мощную оборонную зону, - прорыв советских войск на этом участке был чреват для неприятеля непредсказуемыми потерями территории, техники, живой силы.

Пока наши части готовились организовать переправу, фашисты постоянно контролировали территорию вдоль реки штурмовой авиацией, бомбардировщики с крестами постоянно осуществляли сброс своего смертоносного груза на наши позиции. Река, давно не давала рыбакам Украины, Белоруссии и Польши запасов народившейся за эти годы рыбы, однако сейчас её было в больших объемах: от взрывов бомб и снарядов водное пространство было устелено плывущей животами вверх рыбешкой разного калибра.

Старшина разведвзвода танкистов Ярушко Антип, прихрамывая на правую ногу возвращался из медсанбата, в котором провел несколько дней и с сожалением смотрел на плывущее, никому сейчас не нужное, рыбное хозяйство, припоминая донские места, семью

свою, родной разведвзвод, в котором он был заместителем. С добротой в сердце и сожалением, что не будет рядом с ним его земляк, храброго лейтенанта Хлопонина Николая, командира танкового взвода, с которым они дружили. Земляк и героический командир остался в медсанбате залечивать раны, хотя рвался на передовую, зная, что скоро будет большое наступление на этом участке фронта.

Разведвзвод в 17-ом танковом корпусе был на лучшем счету, однако ему почему-то не везло с командирами, - то ли по молодости, то ли по неосторожности они выбывали из строя очень часто. Поэтому долгое время старшина Ярушко, родовой донской казак с опытом войны, знаниями ведения боя, разведки, наличием личных качеств смелости и рукопашного боя, оставался исполняющим обязанности комвзвода. Был у него один недостаток, как у любого казака, - Вера в Господа Бога (он не скрывал этого) и честные высказывания вышестоящим командиром по отдельным вопросам, связанным с действиями разведки, что им не всегда нравилось.

Этот момент больше всего коробил полит работников, однако они при сложных ситуациях в бою тоже вспоминали Всевышнего и тайно от всех носили нательные крестики, даже знали некоторые молитвы.

Старшина пересек территорию своего «хозяйства» и вошел в широкий блиндаж, где его разведчики о чем-то оживленно беседовали.

- Здорово живете, товарищи - поздоровался он.

Зная хорошо нравы своего командира, разведчики четко ответили: «Слава Богу!» Улыбнулся Антип, и какая-то радость в сердце и душе поднялась невидимым лучом, даже глаза заслезились. Улыбнулся он, обнял своих ребят, - и пошли разговоры...

Утром старшина побрился, умылся холодной водой, привел в порядок форму, поправил нательный крестик, оглядел чужую бугристую степь с дурманящим запахом полыни, вспомнил донские просторы, родную станицу...

- С прибытием, товарищ старшина, - прервали его мысли два молодых разведчика из соседнего стрелкового взвода.

- И вам не хворать. Как дела молодежь? – спросил Антип.

– Скоро в наступление, - вы ногу свою подлечили? Заживет, как на собаке, не впервой, - буркнул командир.

Подбежавший сержант доложил, что старшину вызывает командир роты.

- Ну, казачок, отъелся на госпитальных харчах? – пошутил подполковник Подопригора и подошел к карте, висевшей на стене.

- Спасибо, все любо, еще повоюем. У меня просьба: повременить посылать в поиск молодежь, надо их кое-чему подучить, я за это возьмусь лично.

- Добро, это ты сам решаешь. Но завтра в ночь ты должен подготовить группу смелых, выносливых ребят и провести «горячую» разведку боем, но такую,

чтобы немцы приняли это за серьезное наступление с тыла, так как нашему корпусу поставлена задача срочно форсировать реку Буг, - подполковник показал на карте место переправы.

- Вопросы обеспечения всем необходимым, а также заброс группы и схему возвращения решишь с соответствующими службами. - Он подошел к казаку, обнял его за плечи, объяснил детали поиска, основные задачи, связь и главную задачу.

- С Богом, старшина, надеюсь на тебя, от вашего рейда многое зависит, сохраним сотни бойцов. Я коммунист, но верю в Спасителя и нашу Победу, не снимаю никогда крестик с груди. Возвращайтесь живыми...

Командир разведвзвода собрал бойцов на поле, недалеко от расположения своего «хозяйства». Вдали был слышен лязг танковых гусениц, обоюдная артиллерийская перестрелка. Группа фашистских самолетов тяжело плыла по небу, таща в своих брюхах смерть, а навстречу им с земли били плотным огнем наши зенитки. Один бомбовоз, пораженный зенитками, рухнул далеко в поле, осветив взрывом полнеба.

В крепкой казачьей памяти старшины всплыл дед и его наставления, которые помогали ему выжить в боях. Он знал, что надо сказать своим товарищам, показать им все, что знает и умеет сам, настроить их на удачу и успех, победить и выжить.

- Я человек верующий, да и вы все христиане во взводе, потому прошу: просите у Господа Победу,

знайте хоть одну молитву, самую короткую. А главное – иметь беспредельную Веру в Бога, в себя и в Удачу. С Богом можно вести разговор только через молитву. Я об этом говорил и раньше. Но, как говорится «На Бога надейся, но сам не плошай».

Нам поручено серьезное задание: завтра проникнуть в тыл противнику и отвлечь на себя их силы с передовой позиции, расположенной вдоль реки Буг, сымитировать нападение на фрицев главных наших сил с тыла.

Антип осмотрел разведчиков, отделил двух «очкариков», троих с сильными ушибами и растяжениями связок и двоих молодых, пришедших в разведку два месяца назад и шесть пожилых бойцов.

- Эти ребята остаются «дома», идущим в поиск подготовить оружие каждому по его навыкам, гранаты, пистолеты, ножи, мины, маскхалаты... Срок готовности: завтра к полудню.

С остальными разведчиками старшина вместе с сержантом Коньковым провели боевую тренировку по рукопашному бою.

Коньков – знаток старинных русских боевых школ «Скобарь» и «Буза» незамысловатыми, но точными движениями отработывал с ребятами захваты, броски ножом на расстоянии, удары сбоку, подсечки и другие приемы борьбы.

Бойцы знали, что их командир обладает знаниями и практикой рукопашного боя, недоступной разведчикам, они попросили его поделиться секретами боя.

- То, что я знаю и умею, досталось от деда моего, по наследству, добрый казак был. Крепью казачества были «характерники», особая, тайная казачья каста, владеющая наукой боя, Казачьим Спасом. Вошедший во время боя в состояние Спаса «характерник» владеет гипнозом, заговором, обережными молитвами, телом и духом своим... Он не боится смерти, его задача: не бойся за себя, а сохрани жизнь другу, поручив свою жизнь заботам товарища. Это и есть древний закон русской дружины – «За други своя!», это закон предков наших.

Казачий рукопашный бой не театрален, не зрелищен, потому очень жесток, он передавался из поколения в поколение, вместе с родовой иконой и родовой песней. Казаков учили терпеть боль и не злиться, так как разозлившийся или впавший в ярость теряет контроль над окружающим, значит, обречен. Под пространством «характерник» понимает полусферу, в центре которой он находится, ось полусферы проходит через него. Порядок секторов полусферы зависит от того, кто рядом с ним, чтобы своих не побить. Ударом он выметывал со всего плеча, независимо - вооруженными руками или открытой ладонью. Причем, такой порядок боя сохраняется, независимо где идет схватка (поле, окоп, мост и т.д.)

Казачья школа боя опирается не на интеллект бойца, а на рефлексy, что очень важно, но требует высокой физической выносливости. По казачьей науке для нападения на врага в поиске предпочитается время

от двух часов ночи до шести утра. Доказано вековой практикой, что в это время у людей мозг дремлет, даже если тело бодрствует.

В нашем случае мы тоже так поступим.

Старшина Ярушко встал посреди поляны, замер, сосредоточился и принялся совершать немыслимые движения, удары руками, ногами, пальцами, конечности двигались вдоль тела без сковывающих движений. Он поражал сразу несколько условных врагов, его взгляд был глубинным и пронизывающим...

- Редко кому дается эта наука, сможет освоить только тот, кто имеет природные задатки к этому виду борьбы, особую психологию и полное владение собой, корнями эта борьба уходит много веков назад. Вам это тоже под силу, в это надо твердо верить каждому.

- Один из самых простых, но важных приемов огневого контакта, который наиболее эффективен ночью при численном превосходстве противника – пережат, которым все вы владеете, применяйте его постоянно. И еще: не забудьте про «македонский захват» - стрельба пистолетами из двух рук. Большие пальцы кистей плотно цепляются друг за друга, а цель ловить одновременно правым и левым глазом. Для левшей целиться левым глазом, а стрелять из правого пистолета. Отдыхайте и готовьтесь, с Богом – закончил старшина.

Следующим вечером группа разведчиков форсировала на лодках реку. За 10 километров от основных

сил ползком просочились по дну неширокой балочки, выходящей в тыл территории, занятой немцами. Луна осторожно выглянула из-за тучки, осветив укатанную проселочную дорогу, поле, редкий лесок вдалеке, - тут же исчезла, погрузив увиденное в темноту. Дальше разведчики продвигались по обеим сторонам дороги, направляясь по имеющимся данным разведки к пропускному немецкому пункту, который располагался в глубине территории, занятой фашистами, на краю редкого лесочка. Переговариваясь между собой только звуками птиц, разведчики оперативно сняли часовых, оставив в живых долговязого фрица, который обеими руками прижимал к себе губную гармошку. Узнав у него пароли, место дислокации материально-технической базы и другие подробности, решили взять «музыканта» с собой, однако немец вдруг вскочил и решил бежать, за что получил под левую лопатку летящий десантный нож.

Первый контактный рукопашный смертельный бой с немцами окрылил разведчиков. Помолвившись, они двинулись дальше.

На трех мотоциклах с коляской, укомплектованных пулеметами и, прихватив на всякий случай немецкую форму, в которую оделись старшина (унтер-офицером) и несколько бойцов, владеющих немецким языком, рукопашным боем, группа двинулась по дороге к крупной складской базе противника.

- Надо передать по радиации информацию о том, что узнали, а также доложить, что группа поиска решила

устроить «фейерверк» на гитлеровской технической базе, а потом возвратиться по согласованному маршруту – приказал старшина радисту.

Он собрал всех бойцов, поставил задачи перед каждой пятеркой, зная способности всех своих учеников. Максимально облепив мотоциклы, они двинулись к самому главному объекту. Схему расположения охраны, стоянки танков и бронетранспортеров, емкостей с горючим и другие места дислокации гитлеровцев по объекту, знал каждый разведчик из информации пленного. Осторожно, не доезжая до немецкой базы, в полной темноте, часть разведчиков, освободив мотоциклы, полукольцом окружила блокпост, укрепленный и хорошо охраняемый. Мотоциклы с разведчиками, включив фары, медленно приближались к охранной немецкой территории и солдатам, высыпавшим из каких-то щелей, как горох. На базе было спокойно, кое-где в домиках светились огни.

«Обер-лейтенант» весело выкрикнул окликнувшим и осветившим его фонарями гитлеровцев во главе с гауптманом пароль и безоружный спокойно покинул мотоцикл. Антип стоял в центре окруживших его врагов, они уже считали его своим. И вдруг, постояв немного, мысленно прочитав короткую молитву, он вошел в состояние Казачьего Спаса, издал звериный вопль, буквально парализовавший немцев. Управляя сознанием, пространством и временем, поражая волю окружающих его врагов, старшина заработал ногами, руками, локтями, пальцами, как адская

машина, был слышен хруст ломаемых позвонков, - он убивал врагов древним казачьим способом – голыми руками. Его товарищи, окружившие неприятеля, довершали это страшное дело штыками, прикладами.

Сержант Криворучко выдернул из общей массы офицера, слегка оглушил его и связал, чтобы сохранить «языка». Все было кончено, Антип постепенно отходил от выполненной страшной работы, успокаивался. Надо было идти дальше. Отдав дополнительные приказы и рассредоточив всех по объектам, старшина с тремя разведчиками бегом направились к месту расположения тылового немецкого штаба. По его сигналу, почти одновременно, в разных местах немецкого подразделения стали рваться танки, бронетранспортеры, цистерны с горючим, раздавались крики фашистов, взрывы гранат и частые выстрелы. Внезапность сыграла свою роль, считая это нападением основных сил русских, фашисты не оказывали серьезного сопротивления и начали покидать базу.

Группа немцев на легковых «Опелях» и бронетранспортере рванула по выездной дороге к линии передовой обороны, в сторону переправы, не успевшие занять свободные места, бегом устремились за ними. Пора было уходить и разведчикам. Собравшись по сигналу командира, группа поиска на мотоциклах и уцелевшем бронетранспортере, двинулась в обратный путь, предварительно заминировав территорию базы и дорогу за собой в нескольких местах.

Понимали ребята, что задание было выполнено, однако возвращались из поиска с тревожными лицами: случайной пулей убит весельчак и общий любимец Андрей Сизов, тяжело ранен младший сержант Приходько Петр, в ночной перестрелке получили ранения четверо молодых бойцов, имеющих боевой опыт. Впереди были новые бои...

А позади полыхала материально-техническая база фашистов, рвались снаряды на складах, дорога была освещена заревом, клубы дыма змеями шевелились в небе, закрывая выглянувшую луну. По радиации разведчики запросили помощи для прохода группы через передовые позиции противника. Вскоре заработала наша артиллерия по переднему краю, прикрывая отход разведгруппы. Очнувшийся немецкий офицер испуганно тарасил глаза и что-то кричал, но было не до него. Старшина дал команду прорываться группе выше течения реки, чтобы не попасть под перекрестный огонь. Учитывая, что разведчики двигались на немецкой технике, в темноте фашисты не успели разобраться и опознать русских. Чуть позже они почуяли что-то неладное, открыли огонь из стрелкового оружия, засвистели снаряды, но разведчики были уже вне досягаемости огня. Отход разведгруппы оказался удачным.

В результате разведки боем группа разведчиков командира взвода старшины Ярушко Антипа, ранее награжденного Орденом Красной Звезды, медалями «За Отвагу», «За взятие Киева», и др., уничтожила 6

танков, 3 бронетранспортера, до 100 немецких солдат и офицеров.

Разведчики прибыли к месту переправы, а на заминированной дороге, рвалась боевая техника, снятая с немецких позиций для отражения атаки русских с тыла.

А в это время 17-й танковый корпус вместе с 11-й стрелковым Прикарпатским корпусом, форсировали реку Буг в районе Уладовка. Материалы, добытые разведкой боем из штаба технической базы фашистов, а также пленный немецкий офицер были переданы командованию фронтом.

Приказом по корпусу от 21 июня 1944 года все участники поиска за образцовое выполнение боевого задания, проявленную доблесть и мужество, были награждены орденами и медалями, командир разведзвода - Орденом Отечественной войны II степени.

А 22 июня сыну старшины Ярушко Антипа, рожденному в день начала войны, исполнилось три годика.

До Победы оставалось 352 дня...

«Исповедь близнецов»

Валентина Жукова

Том первый. «Между небом и землёй»

Непроходимая сибирская тайга окружила далёкую сибирскую деревню «Брусничный». Шумят над головой могучие сосны. Лохматые ели затемяют пространство, слегка поскрипывая то тут, то там, придавая тайге зачарованную сказочность. В небе над деревней нависли тяжелые грозовые тучи, и порывистый ветер с хулиганским свистом играет верхушками берёз, сосен и елей. Безжалостно гнёт стройные берёзы и молодой кустарник; срывает молодые шишки с могучих сосен и кедра, раскидывая по сторонам. А где-то вдалеке одна старая ель стонет, как бы жалуюсь на своё недомогание, привлекая к себе особое внимание. Скалистый крутой берег своенравной, по-девичьи строптивой реки местами выделяется по особому ландшафтному расположению, где величаво раскинулась могучая ширь, захлёбываясь и перекачиваясь через пороги, образует пенистую волну.

На крутом обрывистом берегу стоит пожилая женщина и смотрит на реку задумчивым взглядом. С её головы медленно спадает цветной кашемировый платок. Седые волосы беспощадно треплет ветер, будоражит воспоминания о далёком прошлом и не даёт сосредоточиться на самом главном содержании про-

шлого бытия. В руках у неё потёртые, выгоревшие от времени листы, сохранённые ею же самой, главной героиней Евдокией Афанасьевной; На листах видны еле-еле заметные записки, того самого солдата, который

«Вот бы мне всё это увидеть по-настоящему в натуральном облике. Что это? Разве на рассказах далеко уплывёшь, только лишь абстрактно можно себе представить те далёкие берега. И можно ли сравнить тот дальний берег, где родилась; с этим, на котором стою в разлуке с далёким прошлым. Очень хочется побывать и посмотреть на малую родину. И, кажется, дело-то не за горами, а вот ведь не прыгнешь. Представляю: Финский залив, Выборгская сторона, на которой жил и строил корабли Пётр Первый, звучит гордо, где на небе тоже ни облачка, и на улицах города, подобно муравьям с ношей мирно снуёт население, кто куда, взад-вперёд с лёгкой ношей, у кого-то и потяжелее. Где теперь две мои горошинки? А может они где-то, совсем рядом, о чём я не могу знать?»

Плач Евдокии

*Может быть, одна – жена солдата, а другая – медсестра.
Вы друг с другом, как сестрёнка с братом.*

Нам бы встретиться пора.

От меня вас разделили. Развели по городам.

Солёный огурец делили. Надоедали нашим поварам.

Одна больная и при смерти лежала за Шумихою рекой.

Мне вас так часто не хватало.

Хоть бы встретится с одной!

Увезли одну на Украину. Меня же в лес густой, на целину.
В тайге батрачила и гнула спину. Где вы теперь?

Я так и не пойму.

Быть может вы опять на поле боя.

Жуткий страх всё это на семью.

Кто-то может быть женой героя... Где вы теперь?

Я так и не пойму.

Вот она какая, жизнь-злодейка,

Кто придумал страшную войну.

Это он! Жизнь его одна копейка.

Бомбёжкой рушит тишину.

Привезли вас из Ленинграда.

И было вам всего лишь месяцев по пять.

Что это – божья кара иль награда?

Сумели от Гелетая убежать?

Где же вы теперь родные? Господни не изведаны пути.

Или вы нашли кусочек рая, где же вас теперь найти?

Может, фотографию отправить? Там ваш целый взвод,
Возможно, кто-то тоже ищет?

И каждый сам себя найдёт,

А коли вспомните мою досаду, – отзовись, не медля часа.

Между собой не споря,

Из медного ковша запьём мы горе таёжным,

терпким квасом».

Евдокия Афанасьевна представляет походку. Голос слышит, словно из-под земли; тот томный внутренний и далёкий голос Степана...

– Женщина, давайте вашу тяжёлую ношу, я помогу, наверное, нам с вами по пути? – Степан Петрович осторожно взял в руки тяжёлую ношу. Поднял, приблизительно желая взвесить на глаз. – Ого! Ничего себе, нагрузились, будто про запас...

– Да, сынок, возможно и про запас. Немец-то, слышал? – грозитя напасть. И что ему не сидится, не живётся спокойно?

– Алчность по захвату территорий. Хочет править всем миром. Посмотрим, что из этого получится. Как бы последние штаны не потерял, как при Наполеоне. Тот ведь тоже мечтал править всем миром. Да так навоевался, что своих солдат мёртвых грыз в обратной дороге, покидая Москву.

– Хорошо было с вами побеседовать. Прощайте, вот я и дома. Может, ещё свидимся когда-нибудь с вами? Вы мне настроение подняли. Спасибо за помощь, уважаемый попутчик.

Бежит по улице весёлый мальчуган в коротких штанишках, катит перед собой колесо, а по улицам гроыхает полуторка. Мчится легковой автомобиль, обгоняя и унося в салоне важно восседавших пассажиров. Быстрым шагом идут офицеры Красной Армии.

– К чему вся эта беготня? Надо к жене сходить, узнать как там у неё. Всё ли в порядке, возможно тут же и заберу её из родильного дома? Кого она мне подарила на этот раз? – сердце Степана Петровича колоти-

лось, вот-вот выпрыгнет, как будто спешит на первое свидание. Родильный дом города Выборга утопал в зелени деревьев, в клумбах с цветами, на газонах. По дорожкам шли счастливые молодые папаши и родственники навесить новорожденного; который первым криком извещает мир о своём появлении на свет. В роддоме царила суматоха. По коридорам сновали врачи и санитарочки в белых халатах. У некоторых недоуменные лица. Остановились две медсестры, о чём-то между собой разговаривают, разводят руками в стороны, пожимают плечами, смотрят по сторонам. Степан Петрович, мужчина двадцати восьми лет, среднего роста, крепкого телосложения, с букетом цветов, с пакетами фруктов, осторожно и тихо подошел к медсестре, которая сама шла к нему навстречу.

– Здравствуйте, милая симпатичная девушка. Не подскажете, в какой палате лежит Жихарева Мария Григорьевна? Она вчера одиннадцатого июня родила девочку или мальчика? – медсестра посмотрела на Степана Петровича с сочувствием. Показала рукой, как пройти к палате. Степан Петрович, поблагодарив сотрудницу, пошел дальше по коридорам медицинского учреждения, рассматривал двери, выискивая нужную табличку с надписью. Найдя дверь палаты, в нерешительности остановился, постучал в дверь, и, приоткрыв, заглянул в палату. Он увидел свою жену, симпатичную женщину двадцати четырёх лет, лежащую на кровати. Мария поднялась с кровати, встретила мужа с радостью.

– Лежи-лежи, тебе нельзя так рано подниматься, – взяв руку жены, Степан Петрович нежно к ней прикоснулся; целуя, сам внимательно смотрел ей в лицо. Мария осторожно спрятала руки под одеяло. Муж понял: что-то с женой происходит. Степан взял стул, сел у кровати Марии. Снова нежно взял её обе руки в свои. С нежностью же посмотрел ей в глаза.

– Машенька! Как здоровье? Как здоровье у нашего малыша? Где он? Я хотел бы посмотреть на наше с тобой творчество! Ты уж извини. Нёс тебе цветы, да таможня запрет наложила. Нельзя, говорят, фрукты тоже нельзя, говорят, пока что. От них у ребёнка стул жидкий будет.

– Спасибо. Ничего Стёпа, все хорошо. Здесь неплохо кормят по рецепту врачей. Здоровье хорошее и у меня, и у малышки. Её только что медсестра отнесла в детскую комнату, где все новорожденные. Может, ещё увидишь, если подольше посидишь.

– Что-то тревожно, Машенька, на душе?

– Всё образумится. Стёпа, что-то случилось? Я вижу на твоём лице тревогу, Стёпа? Почему у тебя печальный вид? О чём думаешь?

– Как не думать, Машенька? Представляешь, я на руку наложил сегодня. К чему бы это? Как ты это понимаешь? – Степан знал, жена читает сны, как в руку ложит.

– Во сне что ли? К деньгам значит, Стёпа. Тебе скоро отпускные начислят, и в отпуск махнём к родным краям.

– Какой чёрт во сне! Стыдно сказать и грешно утаить, – Степан, краснея перед роженицами, не знал, куда себя деть. – Прямо вот сейчас, как к тебе добирался.

– Худу быть, Стёпа, к худу это. Не к добру. Лучше бы ты не рассказывал сон свой.

Желая сменить тему разговора, Степан нашёлся, что спросить.

– А что у вас тут за беготня медперсонала?

– Ничего особенного, как всегда рабочее состояние медперсонала. – Мария приняла тревогу мужа как свою собственную, стараясь как можно быстрее определить будущее явление. Но что может случиться с мужем? Она терзалась догадками. А возможно и не с мужем, может, что-то случится и с дочерью?

– Какой-то у тебя, наверное, необычный день, если ты с таким видом пришёл. Мог бы и подождать, не приходиться. Зачем грусть приносить мне, на ребёнке отразится. И я тогда ничего не буду говорить. – Мария чуть-чуть не проговорила о пропаже дочери. – Просто персонал бегают без дела по коридорам. Должны найти выход из ситуации.

Не догадываясь ни о чём, Степан посмотрел на часы. Перевел взгляд на окна палаты. Форточка в окне открыта. За окном солнечный летний день сменялся грозowymi тучами. Были видны деревья с молоденькими листочками; они тихо покачивались, а на деревьях отрадно пели птицы. Степан с сожалением смотрел на женщин. Они, тоже не

выдавая тайну пропажи девочки, с любопытством разглядывали мужа Марии. От смущения Степан потер ладони о колени, не зная, куда их приложить или применить.

– Мария, мне надо идти. Посидел бы еще, но дела поджимают. Да и вам надо отдыхать. Попытаюсь завтра забежать, извини, если получится. – Степан Петрович встал, отставил в сторону стул. – До свидания, женщины.

Он вышел из палаты, а Мария укрылась с головой одеялом и дала волю слезам.

– Нет, женщины, что-то случилось, он далеко не тот мужчина, чтобы показывать свое дряблое здоровье.

В палату вошла санитарка с ведром, полным воды, и со шваброй. Она посмотрела на Марию.

– Ты чего хнычешь, или с дочкой что? – Санитарка поставила ведро на пол, приступила к влажной уборке. – Эх, девчата, мне бы вместо вас здесь полежать, да ребёночка тоже родить.

– У вас нет детей что ли? – с подозрением спросила Мария санитарочку.

– Бесплодная уродилась, где уж мне их взять. А теперь уж и годы не позволяют об этом мечтать. Как хорошо бы иметь родню в старости...

– Ты бесплодная, а у неё ушла дочка ещё до венчания. Считалось раньше: дочь – отрезанный ломоть от родителей. Вот она сразу определила свою судьбу. Весь персонал на ноги поставила, пять часов ищут.

– Ты, чего мелешь? Как это ушла?

Санитарка работала шваброй под кроватями. Вдруг швабра упёрлась во что-то мягкое. Наклонившись, санитарка увидела свёрточек из детского одеяла роддома.

– Господь с тобой, кукла ты моя! Тебя ищут, как это тебя угораздило убежать от матери. Весь роддом на ноги поставила? Ух, ты, обмочилась, мокрющая-то, а ей хоть бы хны. Выносливая будет баба. Гляньте, бабы, девчонка, завернутая в одеяльце, лежит под кроватью, и наяривает свой кулачище. Ей богу в жизни выход найден будет в любой ситуации, Ей-богу, голодной не останется!

В палате рожениц все засмеялись, санитарочка всем подняла настроение. Вошла дежурная медицинская сестра. Увидела в руках санитарки ребенка. Подошла ближе, с улыбкой посмотрела на девочку. Лежащая на соседней кровати женщина встала, взяла у санитарки ребенка, положила на кровать Марии. К ней подошли еще две женщины. Все дружно приступили к пеленанию. Довольная старшая медсестра легким шагом подошла к дверям палаты и выглянула в коридор. Подозвала младшую медсестру, приложила указательный палец к губам.

– Пропажа нашлась, тихо вы, товарищи, пропажа-то никуда не убегала.

В палату зашли главврач, акушерка, медсестра, санитарка роддома. Все поздравили мать со счастливым завершением поиска.

– Кто её нашёл? – спросил главврач.

– Санитарочка, – Мария довольно прижала дочку к груди.

– Вот кто производит тщательную уборку. Все щели промывает, и даже ребёночка выскребла. Молодец, Галина Иннокентьевна, молодец!

– Обещал прийти на следующий день, но почему-то не приходит. – Спрашивает рожениц.

Через два через два дня опять пришёл муж Марии.

Степан сел у кровати жены и с интересом посмотрел на дочь.

– Очень симпатичная девочка. Спокойная, видно, будет? Вся в мою маму и похожа тоже на неё. Ну, прямо как две капли воды, – душу и сердце Степана переполняли эмоции, краски заливали его лицо от восторга.. – Спасибо за дочку, Марьюшка, спасибо тебе, родная. А сын у нас ещё с тобой будет, – он говорил, будто сожалел о чём-то. – Будут, родная, как грибы после дождя. Какие ещё наши годы? – Рядом с Марией на кровати тихо спал завернутый в пелёнки ребенок.

– Прямо так уж на твою мать! А моего ты в ней ничего не находишь? Нет?

– Пока отставим эти пререкания. Она всего лишь маленькое существо. И рассмотреть схожесть черт лица пока невозможно. – Мария поправила одеяльце на дочери. Поцеловала. Довольно улыбнулась тому, что дочь её рядом под самым сердцем и, кажется, никуда не убегала от матери.

Тем временем Степан настраивал себя сказать очень важное и страшное и боялся испугать женщин своими новостями.

– Ты, что-то хочешь сказать Стёпа? – увидев перемену в лице мужа, спросила Мария.

– Да, хочу сказать, вам всем, женщины. Война, Мария! Ты слышала, объявили по радио. Германия напала сегодня. Украину долбят. Ах, мать их ети-то. Придётся тебя отправлять в Сибирь.

– У нас в родовом отделении нет радиоприёмника. Тебя, Стёпа, заберут на фронт?

– Заберут, Мария, я не святой. Отправлю к Евдокии Афанасьевне, в Сибирь, чтоб душа была спокойна за вас. Посажу в вагон и на фронт. Сам подам рапорт, чтобы забрали, бить их надо, гадов, – женщины сидят на кровати, вытирали слезы платочком. Одна из них стояла у окна, задумчиво глядя на улицу. Вторая роженица вдруг неожиданно завывала по-волчьи.

– Вот тебе и примета, навалить на руку ни с того, ни с сего. К худу, бабы, к худу всё это, – медсестра, поддерживая разговор рожениц, протёрла стол и поставила графин с питьевой водой. – У этой роженицы муж и брат служат на самой границе. Как же ей не завывать?

Во дворе роддома на скамейках сидели женщины в цветных халатах, разговаривали с мужчинами, вытирая слёзы. Медсёстры озабоченно подходили к палатам рожениц, тихо приглашая по фамилиям для прохождения процедур. Санитарки

носили посуду с готовыми продуктами питания к ужину.

– Тебя когда выписывают, Мария? Ты бы спросила, не то, не ровён час, можешь остаться здесь одна без моей поддержки. Вдруг не сегодня завтра принесут повестку?

– Ну, женщины, прощайте, может, ещё свидимся, – Степан бережно прижимал к груди тёплый комочек живого существа. Роженицы, породнившиеся в родильном отделении, обнимали друг друга, не пряча и не скупясь на слёзы, и через полчаса Степан Петрович, собрав пожитки Марии, увёл её с собой.

Через два месяца на железнодорожной станции Степан провожал Марию. Помахал рукой через стекло, прижимаясь близко к стеклу вагона.

– Осторожно, не зацепило бы тебя вагоном, – Мария, не сдерживая огорчения, плакала.

– Вот ведь, как оно бывает; даже ночки не выделил – женой полюбоваться, – Степан, не стыдясь, тоже вытирал слезы внутренней стороной кепи. – На тренировочном стадионе пробыли всё время, жёнушка...

– Я буду ждать тебя, Стёпа, и дочка тоже будет ждать. Я люблю тебя, Стёпа. Береги себя ради нас.

– Я тоже вас крепко люблю. Поцелуй за меня дочку. Не успели даже имя ей дать. Ну, что ж, прощайте мои милые. Господь даст, еще свидимся. Я пойду – времени в обрез. Так начальство моё распорядилось...

Степан Петрович помахал рукой. Он уходил, а Мария тянулась всё ближе к окну, чтобы как можно дальше проводить глазами мужа. Да слёзы заслоняли всё, как бы ни старалась она протереть платочком глаза. Не получилось. Мария упустила из виду мужа. Она ещё горше того начала рыдать. В вагоне была суета. Пассажиры укладывали вещи, Не разбирая свои или чужие, наступали ногами или переступали, чтобы как можно быстрее захватить свободное место. Путь на восток – не ближнее место, шесть тысяч километров подальше от войны. Напротив Марии женщина покопалась в вещмешке, доставая трехлитровый бидон.

– Пожалуйста, посмотрите, за вещами Я сбегая за кипятком, пока поезд стоит, еще не давали сигнал отправления.

– Какой там кипяток! – громко закричал на весь вагон пассажир, – тут места надо занимать, а вы за кипятком?! Не сумеешь вернуться, как вороны налетят. В соседнем районе всё наповал разбито немцами.

– Нет, женщина, лучше вы подержите мою дочку. Давайте я сбегая. Я моложе вас. – Мария Григорьевна вышла из вагона, перебегая железнодорожные пути, ища глазами мужа. Вдруг железнодорожник ударил в колокол. Состав пришел в движение. Мария торопливо налила из крана в бидон кипяток, оглядываясь, не ушёл ли её состав. Неожиданно в воздухе послышался гул. На состав с оглушительным свистом и грохотом посыпались смертоносные груши. В вагоне

паника: слышны крики, стоны. Со звоном вылетали стёкла из окон, а незнакомая женщина с Мариным ребёнком на руках то и дело поглядывала в окно, еще не задетое вражеским снарядам. Она то и дело шептала и крестилась:

– Господи, спаси и помилуй нас, – пассажиры выскакивали из вагонов. Женщина, одной рукой держа ребёнка, другой продолжала осенять себя перстами. Она с ужасом смотрела на небо.

– Это ни дать ни взять они! Это фашисты! Что же вы, гады, творите то? Али креста на вас нет, мать вашу эти-то? – Не щадя себя, она стучала кулаком в грудь и грозила мощным кулаком в сторону немецких самолётов.

Марию оглушило. Она не понимала, что происходит. Увидела только, что ее вагона на прежнем месте нет, а сохранившийся впереди паровоз и часть вагонов медленно двигались и скрывались из виду, увозя эвакуированных на восток. Поднимаясь по интуиции, Мария бежала с бидоном по шпалам, бережно сохраняя кипяток, который уже давным-давно остыл. Запыхавшись, она перепрыгивала через доски разбитого вагона. Упала, запнувшись. Опять встала и опять побежала, не понимая, что происходит. Следом шел второй состав. Мария опять упала, и не спешила подниматься.

– Всё пропало. Вся жизнь прахом пролетела! К чему тогда и я буду коптить белый свет? Пусть давит к чёртовой матери!

Паровоз остановился, её подняли под руки, отвели в сторону. Машинист дал свисток и продолжил путь на Восток. А маленький свёрток копошился в своём одеяле в копне. Рядом с ним лежал раненый солдат. Он стонал. Девочка, раненная осколком в левую щёчку, смотрела широко открытыми глазами на карусель смерти. Глотала и, захлёбываясь собственной кровью, продолжала временами сосать кулачок и жестоко царапать себе лицо. Солдат тяжело поднялся, взялся за голову, шатающейся походкой подошел к свертку, наклонился над ребёнком.

– О, господи! Откуда такую крошку сюда занесли? И тебя не пощадила костлявая злодейка. В первые дни войны, видно, и в первые дни жизни – боевое крещение! Где же твои родители? Что теперь прикажешь мне с тобой делать, святое создание? – солдат осторожно вынул маленький осколок из щёчки ребёнка.

– Не подсматривай, мал ещё, за взрослыми подглядывать. Сейчас обработаю твою рану собственной мочой. Правда, говорят, учиться у родителей всегда есть какая-то польза в жизни. Как учила мама, так и я тебя стану лечить, – пока солдат обрабатывал рану из личного крана горячей мочой щеку маленькой знакомой, сам он про свою боль совсем забыл.

– Так, видимо, слегка зацепило, марганцовки не хватило, себя обработаю следующим разом, как ёмкость найдётся, – подумал он. – Терпимо, до свадьбы, авось, заживёт.

Тут солдат увидел недалеко отброшенный взрывной волной фанерный чемодан. Он подошел к чемодану и открыл его.

– О! Да мы с тобой живём, парень! Здесь лежат все нужные женские вещи. Женщина и в Африке женщина, всегда знает, что с собой в дорогу прихватить. Сейчас мы с тобой определим: что кому подойдёт в первую очередь, – солдат надеялся, что найдёт что-нибудь стерильное для пацана. Достал из чемодала некоторые из вещей, потряс их от пыли. Порвал платье, перепеленал ребёнка поверх тех пеленок, в которые тот был завернут, осторожно по-отцовски.

– Вот бы не подумал, что придётся проходить курсы молодого отца, а тут нате вам с кисточкой, явились, не запылились. Сюда бы ещё девушку, какую вроде матери. Втроём-то бы легче и веселее справляться, – головная боль всё сильнее напоминала солдату о себе. Он сел на землю подле стога, взялся руками за голову. Помотал головой, тихо застонал.

– Время не терпит, война считает минуты, надо подниматься и идти, – он взял ребенка на руки, шатающей походкой пошёл в сторону военного эшелона.

– Слушай, мужик, что ты кряхтишь, или я тебя неловко прижимаю? Стоп, подожди-ка, сейчас я тебя посмотрю, может, ты обмочился? – солдат развернул живую ношу, рассмотрел пелёнки.

– Прости, меня дочка, что ж это я так расхлябался то, а? Не догадался даже познакомиться, с кем имею дело. Вижу лицо, думаю, ну и ладно, господь с тобой,

какая-никакая, а живность всё же. А тут гляди на неё, живой будущий цветок. Только умело поливать тебя надо и ухаживать. Ну да ладно, врага победим, а там посмотрим, что с тобой делать. Тебя покормить бы надо, да, к сожалению, нечем прости уж меня, Я не готов к такому повороту. Я сам ещё только-только солдат строевой Армии, что прикажут, то и делай. Знаешь, что? Давай-ка познакомимся сначала. Меня зовут Степан, а тебя? Надо поискать в твоих ремугах записочку, чья ты и откуда, – Степан покопался в пелёнках девочки, переложил её в найденные женские вещи. И среди них нашел бирьку с надписью: вес ребёнка, год, месяц и день рождения.

– Ого, весом не обделил тебя господь бог, видать и родители не из мелкосортного калибра. Три килограмма семьсот грамм, представляю, вырастешь с мой рост – тоже неплохо будешь выглядеть. А звать-то вот тебя почему-то не назвали мою крошечку. Какое бы ты хотела имечко иметь, а, Варвара? – У солдата самопроизвольно соскочило с языка это имя.

– Прости, я не хотел тебя обидеть, ты не ревнуй меня. Ты мала ещё об этом думать, поняла, нет? Тебе годков то, поди, месяца три или как? – девочка, как будто что-то понимая, после каждого вопроса солдата как бы скромно прятала своё личико в окровавленные пелёнки и одеяльце, то и дело крутила головкой в разные стороны и улыбалась со словом «агу».

– Вот тебе и «агу», Варенька, когда научишься говорить по-русски? Всё «агу» да «агу». Ладно, перепеле-

нал, а теперь пошли. Только стоп, надо остатки вещей забрать, тебе на вырост пойдут. Она ведь, матушка-война не спросит, где доставать, а у тебя уже готовое приданное. Я там присмотрел в чемодане такое красивое платье, какая-то дамочка выкинула вместе с чемоданом. Чемодан-то я брать с собой не буду, в вещмешок не уместится, слишком тяжёлая ноша будет для нас с тобой, а вот барахлишко-то всё заберём. Так, нет? Агу?

Солдат собирает вещи, а в вещах обнаружил бумажный свёрток с ржаными пряниками и поллитровую бутылку с водой, надёжно с закупоренным горлышком.

– Варька! – закричал солдат от радости на всё пространство между небом и землей.

– Живём, Варька, живём, Варенька! Теперь живы будем, не помрём! Я тебе сейчас, как мама моя делает, сооружу соску из ржаного пряника, – Степан нашёл недалеко от чемодана новую консервную банку из-под тушёного мяса. Замочил небольшой кусочек пряника. Завернул жидкий пряник в кусочек трофейного материала, перевязал солдатскими нитками и сунул Варьке в рот.

– На, ешь! Правда, не мамкиным молочком пахнет, голод не тётка, всё пойдёт подчистую. Бедная, сколько хоть лет-то тебе девочка? Ещё и году не прожила, а горяхватила под завязку. Ну, вот если б я на тебя не наткнулся, а, что было бы с тобой? Сколько ещё хлебнёшь, милая, ты моя. – Степан опять схватился за голову руками.

– Как же быть то мне теперь с тобой, а вдруг и меня в дороге схватят гематомы? Куда я тебя дену? Жаль мне тебя, неизвестно, в какие руки попадешь. Ладно, у меня ещё есть время отпуска, может, управлюсь за короткий срок. Дойду до военкомата, продлю отпуск, если дадут такую возможность, и в детском доме тебя оставлю, чтобы сердце за тебя не болело.

Степан сошёл на платформу с ребёнком в руках. Узнал, в каком районе есть детский дом. Ему дали адрес детского дома в селе «Таёжный».

– О! На ловца и зверь бежит, – с радостью воскликнул Степан.

– Вы ко мне обращаетесь, мужчина? – спросила проходящая мимо Степана девушка.

– Неет! Я со своей дамой разговариваю.

– Что в узелке находится? – Удивлённо спрашивает девушка.

– А, что с ней нельзя договориться, как вы думаете? Через неё только и добьёмся, чего захотим. Кстати, вы не скажете, где находится детский дом?

На стене детского дома огромными буквами было прибито: «Детский дом «Янтарный». Солдат открыл калитку территории детского дома, подошел к входной двери, оставив вещи подле главного входа. Нянечка по длинному, светлому коридору сопровождала его к кабинету заведующей.

– Вам уважаемый, товарищ, вот сюда, к ней. У вас тоже на фронте жену убило? Да? Как жаль, как жаль до боли костей, жалко молодых парнишек, да ещё с

дитём на руках. Она возьмёт вашего ребёнка, обязательно возьмёт. У нас здесь десятки таких горемычных сирот.

Сотрудница детского дома постучала в большие, оббитые чёрным дерматином двери кабинета. Открывает двери. Оба вошли в кабинет с большими окнами и высоким потолком. Напротив окна стоял большой письменный стол с графином и водой, заваленный документами. На краю стола стояла настольная лампа. У правой стены был диван. У левой стены – шкаф с книгами. Лицом к окну стояла заведующая детским домом, Маргарита Ивановна, стройная женщина, с вьющимися волосами до плеч. Женщина повернулась к вошедшим. Нянечка детского дома, увидев, что молодой человек смущён и растерян, начала говорить за солдата.

– Маргарита Ивановна, еще ребёнка привезли...

Маргарита Ивановна подошла к письменному столу, села в кресло, достала бланк документа. Посмотрев на солдата, предложила ему присесть на стул возле письменного стола.

– Будем оформлять ребёнка на приём в детский дом? Кто вы? Откуда ребёнок прибыл? Как зовут ребёнка? – Степан подошёл к рабочему столу заведующей, сел на стул, бережно прижимая к груди свёрток. Нежно посмотрел на девочку. Ребёнок посмотрел в ответ широко открытыми глазами, улыбнулся, зевнул широко открытым ротиком.

– Что, Варенька, примут нас здесь, как ты думаешь?

– Мы пока ещё никому не отказывали. Та-ак, вашу дочку Варенькой зовут? Как ваша фамилия, папаша?

– Вы меня загоняете в угол, уважаемая Маргарита Ивановна, я не знаю ничего о ней. Расскажу, как всё происходило, и откуда у меня на руках оказалась Варька. Вот вещи я прихватил попутно, там, у стога сена, для её будущего.

– Вас-то как зовут? – спросила Маргарита Ивановна.

– Степаном зовут.

– А фамилия как ваша? – Степан показал документы из военкомата. Заведующая детским домом торопливо записала данные солдата.

– Хорошо, оставляйте свою дочку, а мать-то её как зовут?

– Нет у неё больше матери. Погибла она в этой же бомбёжке, а эта альбатрос уцелела. Летела, как ангел, а упала, как чёрт – в старую копну сена, в том, видимо, её счастье и было, остаться в живых. Ожидали отправлений эшелонов на восток на станции под Ленинградом. На железнодорожной станции стояло несколько составов. У одного состава были выставлены военные караулы. Я, солдат с карабином за плечами, стоял у крайнего вагона. Ничего не предвещало, вдруг в воздухе послышался гул моторов. На нас упали свинцовые груши. Кто из караула попрятался в укрытия, а кто стрелял по самолётам из карабинов. Недалеко от меня бомба упала, я получил ранение. После этого мне дали увольнение на десять дней.

– Вас тоже надо обработать, товарищ.

– Вы обо мне не беспокойтесь, лучше девочку осмотрите, она вся в крови засохшей. Мочой её сам обрабатывал по старинке, по методу мамы.

– Немедленно девочку в лазарет детского дома! – приказала Маргарита Ивановна. – Что с ней? Серьёзное что-нибудь?

– Осколок в щеке находился, я его осторожно вытаскивал. Наверное, языком будет плохо ворочать. Другого я ничего не мог с ней сделать. Жива, здорова? Ну, и слава богу! Спасибо и на этом, за скорую медицинскую помощь.

Степан словно вновь родился от приятного сообщения: с Варькой ничего плохого не случилось.

– Ну, и дальше что было, рассказывайте Степан.

– Дальше?

– Конечно, дальше рассказывайте!

– На железнодорожной станции вагоны трясло как в лихорадке; повсюду разрушения. Горят разбитые вагоны. Летят по сторонам доски, облицовка от вагонов, лежат трупы военных и гражданских. Санитары бинтуют раненых. А какая-то женщина с бидоном в руках орёт: «Кипяток не разлейте, кипяток не разлейте!» Ей помогают сойти с рельсов, а она одно кричит: «Жить не хочу, где моя дочка!», и всё тут. Память, видно, вышибло от взрывов бомб. Неподалёку от военного эшелона был старый стог сена; я не помню, как оказался в стогу или в копне, не знаю, как её называть. Прихожу в себя, тяжело поднимаюсь, еле-еле

стою на ногах, а голова совсем не моя. Хочу понять, где я нахожусь: оглядываюсь по сторонам, вижу, рядом в копне, копошится маленький свёрток. Почти подползаю к свертку. Гляжу, ребёнок. Ну, думаю, слава богу, теперь мне одному скучно не будет. Я осмотрел девочку внешне, надеялся, что это пацан, по характеру – спокойная была. Раненая, а спокойно смотрит широко открытыми глазами на карусель смерти. Захлёбывается кровью, сосет кулачок. И как это она не захлебнулась? – солдат вытащил из нагрудного кармана осколок. – Вот видите. Есть основания мне не доверять?

– Я разве дала повод к недоверию? Я очень внимательно слушаю и думаю, как же мой там солдат воюет. Наверное, тоже приходится несладко, находится где-то в такой же перепалке.

– Разве бывает на войне кому-нибудь сладко? – В недоумении спросил Степан заведующую детским домом. – Ну и дальше слушайте: Стоит другой военный эшелон. Я с ней на руках, неприятное ощущение контузии, подхожу к офицеру. Офицер с улыбкой смотрит на ребёнка. Объясняю, как всё случилось. Он мне показывает комендатуру. Я там получил отпуск дополнительно, а в это время с Варькой водились и кормили её санитары. Достали молоко на дорогу в банках со сгущённым молоком. Пряники на всякий случай мы с ней не выкинули. Она так прелестно их сосёт через марлечку. Санитарки так подсказали, то есть мамин метод более усовершенствовали

по стерильности, я имею в виду. Таким, способом мы до вас и добрались, а в дороге-то ещё много желающих нашлось понянчиться с Варькой. Поначалу я решил было, а не поручить ли какой женщине Варьку? И в то же время думаю, нет, в детский дом надёжнее будет, и будет с кого спросить.

Солдат сидел на стуле с ребёнком на руках в ожидании, когда заберут Варьку. И в то же время от его волнения из-за расставания с названной дочерью боль в голове сказывалась всё сильнее и сильнее. Со стоном он положил девочку на диван, взялся за голову. Маргарита Ивановна сидела за рабочим столом, работая с документами, и вдруг неожиданно выскочила из-за стола, бросая ручку с пером на пол.

– Вам плохо, солдат? Вам плохо? – солдат не слышит.

Сотрудница детдома в это время унесла Варьку в лазарет детского дома. Там её осмотрели и передали лечащему врачу.

– Ничего, жить будет, – успокоил хирург нянечку, которая принесла ребёнка в хирургическое отделение детского дома «Янтарный».

– Не мешало бы осмотреть солдата, – предложила нянечка хирургу.

– Что с ним?

– Наверное, в коме он теперь. Упал подле дивана, в кабинете Маргариты Ивановны.

– Немедленно к солдату! – скомандовал хирург. Хирург зашел в кабинет заведующей. Солдат сидит,

как ни в чём не бывало рассказывает происходящее с ним и Варькой.

– Немедленно на обследование! – приказал хирург.

– Товарищ доктор, мне нельзя, меня там ждут.

– Да меня под расстрел подведут, если я отпущу раненого солдата, вы это понимаете или нет?! Под расстрел! Я тоже воинскую присягу давал. Так что немедленно в палату на десять дней на обследование.

– Как же я без документа вернусь? Чем оправдуюсь за опоздание?

– Какое оправдание, возможно, по состоянию здоровья тебя комиссия спишет?

По истечении нескольких дней Маргарита Ивановна и сотрудники детдома внимательно слушали продолжение рассказа солдата.

– Хорошо, что был в карауле по охране военного эшелона. Сюда, на Восток, везли оборудование эвакуированного завода, а отсюда груз для фронта. Командир отпустил ненадолго, чтобы ребёнка сдать в детдом. – Солдат поднимается со стула, подходит к столу заведующей.

– Вот пока сам находился на ремонте, снова по памяти записал её досье. И на её ручке бирка должна быть: вес 3,7 кг, длина 49 см, рождена 11 июня. Какого года не понятно: дальше написанное оборвано осколком. Имя: Варенька, сам дал, отчество Степановна.

В кабинете заведующей сидели медики и снова задавали тот же вопрос:

– Солдатик, а звать то тебя как? – как бы проверяя его состояние на память.

– Степаном меня зовут. Я уже говорил вам об этом. Некогда мне. Приеду – заберу её к себе.

– Кого вы заберёте? – спросил хирург.

– Как это «кого»? Моё сокровище, нет у меня, кроме неё, больше никого на белом свете! – Степан вытирает глаза пилоткой.

– Только глядите мне за ней в оба, слышите?! Глядите в оба за альбатросом! Мне больше нельзя задерживаться. Опоздание будет считаться дезертирством. Ну что, Варюха-горюха, прощай! – он помахал непонятно в какую сторону, – может, свидимся ещё. Расти большой умницей, – солдат прижался лбом к стене кабинета, плача навзрыд.

– Ну-ну, будет солдат, будет. Живая и сохранна будет твоя дочка, поверь мне, старому хирургу. Был бы я молод, тоже бы здесь не задержался. Спасибо вам, хлопцы, спасибо! Всем от меня передавай спасибо за вашу стойкость перед врагом. Главное, не трусь, и вперёд на врага напролом.

Хирург отдал документ о присутствии солдата на лечении.

– Вот тебе оправдание, только не потеряй, слышишь?

– Я пока находился на лечении у вас, написал кое-что. Вот оставляю свои записки о поезде и вообще

о том, что произошло с нами. Пусть останется ей на память на всю оставшуюся жизнь, и пусть она не поминает меня лихом, если, что... – Солдат оправил ремень, попрощался с сотрудниками детского дома.

– Они у меня получат! Спасибо за поддержку медицинским работникам, если бы не вы, наверное, хана мне была бы. Спасибо и Вареньке за её участие в моей жизни. – Степан вышел из кабинета, не скрывая слёз.

И вот ведь как судьба распорядившись, преподносит сюрпризы, как природе, так и людям, не разделяя никого друг с другом в целом. Они могли встретиться и могли передать эстафету сокровища людского из рук в руки. И кто может знать теперь чей это ребёнок, Варька?

Ясный летний день, печёт солнце. Вдоль колосистого ржаного поля, по грунтовой неровной дороге шла Мария Григорьевна, за плечами у неё был мешок. Лицо удрученное, уставшее. Губы потрескавшиеся. Навстречу шла лошадь, впряжённая в телегу. Мария Григорьевна, посторонившись, прижалась ко ржи. Уступила дорогу гужевому транспорту. Управлял лошадью подросток. Лицо подростка было не по годам возмужавшим. На его лице угадывалась усталость. Подросток хлопнул ладонью по широко открывшемуся рту.

– Фу, ты! Один рот, и тот дерёт. До осени весь разорвёт. Тетенька! Видно, ты смелая; одна идёшь.

Всякий народец здесь теперь бродит. Смотри, волки в этой местности появились, Я бы воротился и подвез бы до деревни, да вот беда-то какая, председатель заставил срочно ехать на полевой стан. Стало быть, дельце неотложное. Ты тут присядь у дороги, я тебя увижу и подберу на обратном пути, правда, осталось-то всего одна верста. Повозка проехала мимо с грохотом, оставила за собой облако пыли. Мария Григорьевна смахнула с лица пыль, чихнула, вышла на дорогу. Она, оборачиваясь в след ушедшей повозки, стояла какое-то время, о чём-то думала. Потом, повернувшись в сторону села, пошла дальше.

На расстоянии версты стало видно село, окруженное широкими ржаными полями. За полями виднелись могучие стройные сосны, изредка стоявшие вперемежку с молодыми березками. Женщина устало перекинула тяжёлый мешок с одного плеча на другое. Снова обернулась, с грустью посмотрев вслед уходящей повозке. Превозмогая недомогания в теле и тяжесть усталости, она еле-еле различала впереди себя широкую улицу, а вдоль улицы деревянные дома – крыши покрыты тёсом, окна средней величины. Дома из лиственничных брёвен выглядели массивными, старыми. У некоторых домов были двухметровые деревянные ворота. Ничего этого женщина не воспринимала. Обрадовавшись появлению людей, она чему-то улыбнулась. У одного дома сидели на лавочке две старушки, щелкали семечки. Перед ними на траве играли их внучата, года по три-четыре.

Мария Григорьевна остановилась неподалеку от детей, посмотрела на них с грустью в глазах. Старушки на лавочке внимательно изучали незнакомку, отправляя в рот семечки. Дальше между дорогой и домами дети постарше играли в лапту. Навстречу Марие шли женщины, о чем-то разговаривая. У одних женщин – косы, у других женщин – деревянные грабли. Третьи несли узелки с провизией, за ними бежали ребяташки лет по семь-восемь. Мария остановила женщин.

– Здравствуйте, женщины. Скажите, где я могу найти Мезенцеву Евдокию Афанасьевну?

Женщины с большим желанием наперебой показывали руками, как пройти к дому Евдокии Афанасьевны. Мария поблагодарила женщин и пошла дальше по дороге. А женщины встали вполборота и смотрели вслед уходящей.

– Видно, женщина не местная, не из соседних сел, и говорок – от не нашего ума, а вот надо же, все к Евдокии в первую очередь прутся, – сказала полушёпотом одна из них.

– А то как же, кто Евдокию не знает. Видно, по слуху всех эвакуированных, как на мёд тянет.

– Война, бабоньки... У неё заезжай двор-от, видать, где-то стрелкой обозначено место первой остановки. Разлев она хушь кому-то отказал? Она всех примат, добрая баба, – сказала третья работница с граблями.

Женщины с сожалением смотрели на Марию, качая головой. Потом повернулись и молча пошли дальше. Мария подошла к добротному дому.

Сердце её заколотилось, словно холодец. Она на какое-то время остановилась, прижимая руку к сердцу:

– Найду ли я свою крошку? И где мне её теперь искать? Вот уже восьмой детский дом обхожу за сотни тысячи километров друг от друга. Как примет меня эта женщина? А ну, если Степан написал уже ей письмо сразу после ухода на фронт, что, я могу сказать в оправдание перед его тёткой?

Цветы победителям

Игорь Летунов

9 Мая пожилые люди в военной форме и просто празднично одетые с орденами и орденскими планками и с цветами в руках. Тюльпаны, гвоздики ... и как правило красные, алые. Все это – знаки благородной памяти ныне живущих.

По мере приближения этой замечательной даты – «Победы над фашистской Германией» мне, непрофессионалу-корреспонденту, вспомнилась просьба при разговоре в одной из редакций города Тамбова: «Нужна статья о ветеранах Отечественной войны».

Замечательный мартовский весенний день привел меня на предприятие, где еще недавно пришлось работать. Отдел кадров завода «Ревтруд».

– Кого из ветеранов, – обратился я к начальнику «Военно-паспортного стола», – Можно посетить? – И изложил цель моего намерения.

– Завадская Светлана Вячеславна, – только получил ответ.

Но встреча с Завадской осталась как нельзя важна. У нее оказался полный перечень ветеранов Отечественной войны завода «Рувтруд». И на мою просьбу она незамедлительно назвала первую попавшуюся фамилию: Колодин Михаил Николаевич и позвонила ему, не возражает ли против встречи. И хотя было возражение, что он не такой уж героический, а обычный рядовой войны и предложил встретиться с другими ветеранами:

Мельтник Василий Афанасьевич или Серегин Михаил Иванович. Но все–таки дал согласие на встречу. Ну а на его возражение Завадская ответила, что обязательно напишем и о других ветеранах со временем.

На пороге дома встретил небольшого роста, но крепкого телосложения с сединой, которая подчеркивала его почтенный возраст, человек.

– Колодин Михаил Николаевич?

– Да, – получил утвердительный ответ.

В разговоре он оказался хорошим собеседником, и хотя напоминал о своем не героическом прошлом. Разговорились.

– 24 сентября 1925 года рождения, – сообщил он, – как видишь возраст совсем не для войны. А все–таки в ноябре 1943 года военкомат направил меня на курсы подготовки водителей... В 17 лет... А в это время у меня уже имелось удостоверение водителя. Поэтому прямиком отправили в армию, но только не на фронт, а вначале в запасной полк, где проходил курс молодого бойца.

– Как долго? – Поинтересовался я. – Полгода, как в сегодняшней армии?

– Да месяцев 5 – 6 .

Колодин задумался... Было видно, что вспоминает давноминувшие дни. Сожаление и некоторая гордость за прошедшие годы промелькнула на лице. Он продолжил рассказ.

– В августе–сентябре 1944 года был направлен в состав 1–го Украинского фронта 3–й Гвардейской

танковой армии 9-й мехкорпус 3-й батальон автоматчиком.

«Хорошая память», – подумал я. В подтверждение он назвал фамилию командира бригады – Летвинов, а своего непосредственного командира Криворученко.

– Кстати, командующий танковым соединением являлся прославленный П.С.Рыбалко.

Часть располагалась рядом с городом Салдомер и находилась на отдыхе. Поэтому курсы подготовки для вновь поступивших на фронт продлились.

Позже, придя домой, я сопоставил некоторые факты и оказались некоторые совпадения исторического момента, когда призывался на фронт Колодин, как и многих его сотоварищей по оружию, с теми замыслами военачальников и руководителей держав, которые были отражены в ряде документов Великой Отечественной войны.

В своих воспоминаниях маршал Г.К.Жуков пишет о сражении за Украину:

«Новый план освобождения Киева и развития наступления на Коростель–Эитомер–Фастов был представлен на утверждение Верховному. После рассмотрения в Генштабе и увязки с Центральным фронтом план был утвержден.

25 октября начала осуществляться перегруппировка 3-й Гвардейской танковой армии с Букринским плацдарма. Ей предстояло совершить путь около двухсот километров вдоль Днепра, а это означало –

вдоль фронта противника. На наше счастье, погода была нелетная, и авиационная разведка противника во время перегруппировки почти не действовала».

15 ноября 1943 года И.В.Сталин в секретном послании премьер–министру г–ну У.Черчиллю благодарит «за поздравления по поводу наступления советских войск, которым приходится сейчас выдерживать большой напор западнее Киева, куда немцы подбросили свежие силы и танки».

На мой вопрос: «Ваше первое боевое крещение?» – Колодин рассказал о местечке поместья Фольверк в Польше, где подразделение остановилось на ночлег.

– Пришли поляки: «Пановье, просим помощи». Однако время было позднее и командир отдал приказ выставить посты и отдыхать.

Утром, после сообщения от постовых, которые заметили немцев близ перелеска и небольшой деревни, где они пьянствовали и насиловали женщин, командир отдал приказ расположиться цепью и залечь перед Фольверком. Обнаглевшая пьяная толпа немцев, бравившихся, ведя бесприцельную стрельбу все приближалась.

Подпустив неприятеля, автоматчики ответили прицельным огнем, что породило замешательство в фашистских рядах. Те залегли. Началась перестрелка... Плотный огонь с обеих сторон не позволял предпринять никаких действий, как с одной, так и с другой стороны в течение полутора часов.

Рядом с Колодиным старшина встал и лишь крикнул «Ура», чтобы повлечь за собой бойцов, был сражен вражеской пулей. Однако другие бойцы дружно подхватили и ринулись в атаку. От этой неожиданности банда фашистов оказалась в замешательстве и бросив оружие, подняли руки с возгласами: «Гитлер капут!».

Пленены были большинство из группировки. Тут подошел поляк и жестами показал на сарай. Тогда командир отделения, взяв с собой несколько человек, в том числе и Колодина, поспешили в указанном направлении.

Командир приказал бойцу открыть дверь и с остальными ворвался внутрь. Однако перед входом валялся убитый немецкий генерал, а второй без сопротивления поднял руки.

В комнату вошла супруга Колодина. – Светлана Ивановна Колодина», – представил ее супруг. Женаты с 1954 года, так что скоро золотая свадьба. Та кратко напомнила, что нужно идти за внучкой в детский садик.

– Да, пожалуйста, – согласился я. – Можно покороче.

– Кстати, – добавил он. – Я и моя жена всю свою трудовую жизнь посвятили одному заводу «Ревтруд», на котором я начал работать с 1950 года во 2-ом цеху рабочим, окончил 2 института и на пенсию ушел в должности начальника производственно-диспетчерского отдела. Моя жена попала на «Ревтруд» по распределению из Саратовского университета.

Колодин продолжил рассказ.

— Уже в Германии в феврале месяце 1944 года, тогда моя служба продолжалась в другой части в качестве водителя американского «Форда» и обеспечивал войсковые подразделения боеприпасами и продовольствием. Но с автоматом ППШ не расставался, он всегда был со мной в кабине. Так вот, нужно было с лейтенантом Олейник Дмитрий Гаврилович прибыть в штаб корпуса и уже по возвращении в штаб полка в районе Явора неожиданно сообщили, что на обратной дороге немцы. Решил ехать по другой и тоже небезопасной ... Выбрали третий маршрут. И, если вначале было все благополучно, то ввиду сумрачного времени, неожиданно на дороге обнаружилась банда немцев в серой камуфляжной форме.

И только считанные секунды решили все, когда нужно было развернуться на машине и на скорости оторваться отседавших фашистов... По прибытии в полк, в бортах и кабине машины оказалось довольно много пробоин.

Михаил Николаевич встал и принес открытки.

— Мы и сейчас поддерживаем связь. Однополчане, конечно. Обычно к 9 Мая переписка, поздравления, — и показал открытку. — Вот он и есть, зам. Председателя комитета ветеранов войны 3-й Гвардейской танковой армии. — Подпись: Олейник — под поздравлением Президиума Киевского Совета ветеранов войны 3-й Гвардейской танковой армии, — тот самый, что был со мной в грузовике под обстрелом.

– Судьба все–таки. Проходили как–то с боями город Опель, вспомнил, что здесь был в плену мой отец Николай Елизарович во время 1–й Мировой войны. Вот и получилось, что по той же хожу земле вдали от Родины, что и мой отец когда–то.

Уже дома, листая книги, попалась на глаза работа военного корреспондента газеты «Известия» Виктора Полтавченко. Об этом времени он пишет: «В феврале 1944 года войска 1–го Украинского фронта после зимних упорных боев под Житомиром и Корсунь–Шевченковским правым крылом продвинулись далеко на волынь и овладели городами Луцк, Ровно, Здолбунов.

В Ровно находилась резиденция гитлеровского наместника во временно оккупированных областях Украины рейскоммисара Эрика Коха, стяжавшего недобрую известность массовыми убийствами грабежами».

В строго секретном личном послании от г–на Уинстона Черчилля Маршалу Сталину сообщалось: «Что касается войны с Германией, которую Польское правительство желает вести с наибольшей энергией, оно осознает, что крайне необходимо иметь практическую договоренность с Советским Правительством ввиду продвижения освободительных войск на польскую территорию, с которой эти войска гонят немецких захватчиков».

В конце разговора Колодин кратко сообщил:

– Ну а Победу я встретил 9 Мая в городе Цоссене.

Что же касается моей дальнейшей судьбы, то еще до 1950 года я служил в Армии 7 лет... Германия – Чехословакия – Германия. Всего у меня 14 медалей.

Прозаик М.Г.Брагин описывает последние дни войны: «Войска 1–го Украинского фронта вышли на оперативный простор. Путь на запад, к Эльбе, открыт.

Крупные силы маршала Конева, рассекая Германию, двинулись навстречу союзникам. В тот же момент, во исполнение директивы Ставки, маршал Конев отдал приказ танковым соединениям Рыбалко повернуть круто на север и наступать через города Барут и Цоссен к Берлину».

В послании от 8 мая 1945 года к Маршалу Сталину от президента Гарри С. Трумена говорится: «Теперь, когда советско–англо–американские войска принудили армии фашистских агрессоров к безоговорочной капитуляции, я хочу передать Вам и через Вас Вашин героическим армиям горячие поздравления нашего народа и его правительства. Мы высоко ценим великолепный вклад, внесенный могучим Советским Союзом в дело цивилизации и свободы.

Вы продемонстрировали способность свободолюбивого и в высшей степени храброго народа сокрушить злые силы варварства, как мощны они не были. По случаю нашей победы мы приветствует народ и армии Советского Союза и их превосходное руководство».

Беба. День Победы

Григорий Подольский

Памяти Бебы

Как известно, суббота в Израиле - день отдыха.

Есть у меня несколько пожилых пациенток в хостеле, что совсем недалеко от дома. В другие дни – работа, рутина, быт. А вот по субботам, когда спешить некуда, я обычно и навещаю в хостеле «моих бабушек». Так я их про себя называю – "мои бабушки", одинокие, славные, при всем своем нелегком жизненном опыте сохранившие чистоту от скверны и бытовщины. Таковыми, наверное, могут быть только старики и дети.

Сегодня 9 мая - годовщина Победы. Стучу в дверь бабушки Бебы.

Открывает маленькая, согбенная годами, с седыми редкими волосами, тщательно причесанными и собранными на затылке гребешком. Аккуратное, из тех времен, платье с накрахмаленным белым воротничком "под горло", в ушах малюсенькие золотые сережки с крошечными гранатами.

Я знаю - Беба каждый раз готовится к моему визиту – тщательно прибирает кровать, чтоб ни одной морщинки, вытирает пыль с комода и телевизора, иногда даже что-то печет на своей крохотной кухоньке.

Садимся напротив друг друга. Маленькие морщинистые руки Бебы дрожат. В подагрических узелках пальцы теребят дужку очков в старомодной оправе.

Жизнь ее непроста, ведь бабушке далеко за восемьдесят. Одинокая женщина, она всю прошлую, советскую жизнь проработала заведующей отделом Житомирского архива. И только выйдя на пенсию, решила уехать в Израиль.

Вот и живет себе тихо и замкнуто в одном из иерусалимских хостелей.

Жизнь ее, в общем-то, могла бы сложиться иначе, если б не война. Была семья - большая и дружная, но не осталось практически никого.

- Сегодня 9 мая, доктор.

- Я помню. С праздником вас.

- Спасибо. А хотите, расскажу вам, как я встретила этот день в сорок пятом?

- Конечно ...

Голос у Бебы громкий, как у многих слабослышащих людей, дребезжащий по-старчески, с так и неизжитым за годы жизни в Израиле украинским акцентом.

- День Победы застал меня учительницей - первогодкой в одном из отдаленных сел Ростовской области. Помню, как все мы ее ждали – нашу Победу. Только и разговоров в селе: вот фашиста добьем и братья, мужья, сыновья с фронта вернутся! И заживем!

Накануне, аккурат 8 мая, видела я сон, будто идет крестный ход с хоругвями вокруг нашей житомирской церкви, а у людей улыбки на лице, а колокол церковный звонит, звонит, звонит не переставая. Утром проснулась затемно, и на соседний хутор, к сапожнику побежала. Ботинки-то мои с зимы совсем "каши

просили". Пока шла, ночной сон свой припоминала. Почему бы крестный ход, почему церковь? Я ж тогда комсомолкой - атеисткой была. И вообще, война для нас была самой бесконечной мукой, самым трудным испытанием. А край - конец ее был общей мечтой.

Да, ну вот. Кой - как залатал мне сапожник ботинки ("бери, месяц проносишь, а там не знаю...").

Потопала обратно. Вдруг слышу, сзади по грунтовке кто-то мчится - пытит, и будто прямо мне в спину. Оглядываюсь - моя ученица Нюрка, вся растрепанная ... Откуда взялась? А она подбежала, бросилась на меня, обнимает меня, целует: «Учителька, победа, война-то, война кончилась! Скоро папка домой вернется!». И ну тебе дальше к селу припустилась.

Ну вот, сбылся-таки мой сон. Победа!

Вхожу в село, а у сельсовета уже стук – гром – плотники молотками трибуну сколачивают, народ вокруг толчется, переговаривается.

Демидыч, председатель наш, фронтовик однорукый, машет мне из окна.

- Учителька, знаешь уже? Победа!

- Знаю, председатель. Радость-то какая!

- Речь готовь, девка, ты у нас одна такая грамотная – от комсомола.

- Да что вы, Демидыч, я никогда на собраниях не выступала.

- Ничего, справишься ... В такой-то день! Давай, ступай, а у меня еще дел невпроворот. В 12 часов тут - как штык!

Сказал, будто гвоздь в стену забил.

К двенадцати часам дня народу еще прибыло. Всего, думаю, с тысячу человек, если не больше. Посъезжались из всех окрестных сел - хуторов. Ну прямо как Сорочинская ярмарка – телеги вокруг площади, лошади на привязи, гвалт, гармошка заливадается бабы – мужики песни - частушки поют, другие плачут, кто с горя, кто с радости. Люди друг друга обнимают, целуются.

А на трибуне уже актив с ноги на ногу переминается. Взошла я по деревянным ступенькам на помост, встала рядом с парторгом. Было мне тогда всего чуть за двадцать годков – худющая, на две головы ниже самого маленького мужика в селе. Да, еще, кажется, только я в округе очки и носила.

А на площади – бурлит толпа. Мужиков-то, само собой мало. Всё больше бабы, дети да старики. Ну и фронтовики – инвалиды.

Митинг открыл Демидыч. Только начал говорить – затихли все как по волшебству ... Кто рот приоткрыл, окурок к губе клеится, кто платок теревит, а у кого слезы из глаз ручьем катятся. Даже малые дети в толпе – и те примолкли. Слушают ...

А я вот смотрю на них с трибуны, сама дрожу дрожмя, однако думаю: боже, сколько же у каждого за плечами, сколько мужиков домой не пришло ... Вдов да сирот здесь – не меньше как каждый.

Чувствую, толкает меня парторг в бок, а Демидыч зычно объявляет: «Слово от комсомольской организации предоставляется нашей учительнице».

Микрофонов-то тогда не было, а передо мной – тыща народу. Помню только, первое свое слово: «Товарищи!». А из дальнейшего - ну как отшибло. Говорила что-то в крик, наверное то, что надо (улыбается), и даже руками махала. Выдохнула в последний раз и ... пришла в себя - уже под аплодисменты.

Вот и всё. Да. Наутро встаю, а голос напрочь сел, говорить не могу, так на митинге навыступалась ... Неделю на уроках сипела. Больше я речей в жизни никогда и нигде не говорила. Вот так ...

Смотрит на меня Беба из-под очков, а в глазах - бусинки слез, огромные такие, наверное, из-за выпуклых линз.

Она сейчас вся в своих воспоминаниях. У нее - вот такой День Победы. Такой же, как она сама - скромный, без звона орденов и чеканящего шага парадов.

Но свой, свой - со слезами на глазах.

Хай мынанк – останемся армянами

Николай Багдасаров

Произошло это со мной в начале декабря 1943 года, когда десантная операция на Керчинском полуострове была в своей высшей точке накала. Противник оказывал отчаянное сопротивление, а к югу от Керчи и вовсе румыны перешли в наступление, пытаясь скинуть наш десант в море. К северу от Керчи, в районе горы Митридад, немецкие и румынские позиции обстреливала наша артиллерия с Таманского полуострова, а ситуацию в Керченском проливе днём контролировала наша авиация, что делало положение керченского десанта не таким уж безнадёжным. У нас оставалось всего несколько квадратных километров плацдарма на побережье, которые румыны и немцы отчаянно пытались захватить с суши и с моря, днём и ночью.

Чтобы корректировать цели артиллеристов, необходимые разведданные о позиции противника срочно передавались в батальонный штаб. Утром меня вызвал командир взвода, вручил предписание и пакет с донесением от ночных разведчиков. До штаба было пара километров, он находился в рябой от пуль и осколков старой хате на окраине Ганикале. Когда я явился к дежурному, и он прочёл мою фамилию в предписании, и у него вздёрнулись брови:

- Санасарьян? Ты, что армянин?
- Так точно, товарищ лейтенант!

Забрав пакет с донесением, он неожиданно крикнул одного из сержантов, которые курили у крыльца, и не глядя мне в лицо громко сказал:

– Гвардии– сержант Санасарьян, ты задержан, до выяснения обстоятельств нахождения в зоне боевых действий!

Меня, обескураженного таким поворотом событий, отвели на соседний двор, обыскали, конфисковали все документы, что при мне были, и без лишних слов заперли в сарай, отобрав в первую очередь ремень и табельный автомат. Я ничего не понимал и пытался проанализировать, что я сделал неправильно, вроде бы документы мои должны были быть в порядке, или взводный сделал какую–то ошибку в бумагах? Я сидел на соломе, и когда мои глаза привыкли к полутьме, я рассмотрел, что в соломе напротив лежит человек, скрючившись и накрывшись с головой шинелью. Шинель была немецкая со странными зелёными погонами с белой полоской посередине, похожей на волну. На нашивке на рукаве можно было прочесть цифры: то ли 608, то ли 809. Владелец шинели беспокойно ворочался и что–то бормотал. Неожиданно, я разобрал армянскую фразу: «Чем узум махаль... Майири нерель индз... йертвум ем хорис герезманов...». «Не хочу умирать...Мать прости меня...клянусь могойлой своего отца».

– Инч е? Что такое? – инстинктивно спросил я, повернув к нему голову. Человек мгновенно перестал

ворочаться, быстро откинул шинель и взволнованно спросил по-армянски:

– Барев! Иск ду ал хайерен? Ты что – армянин?

– Ну, да!

– И откуда?

– Из Москвы, а родился в Фергане, в Скобелев.

Мои родители родом из Арцаха.

– Ахперь, послушай, а я сам из Гадрута! А откуда твои из Арцаха?

– Они из деревни Мелик-джанлу.

– Из Меликашена! – невольно улыбнулся собеседник. Тут только до меня дошло, что мои родители всегда употребляли азербайджанское название своей деревни в Нагорном-Карабахе при разговоре друг с другом.

– Я там не был, но в Ванке часто бавал у родственников, это – рядом, – быстро продолжал взволнованно он, и даже привстал.

Теперь, когда мои глаза почти привыкли к тусклому свету через узкие щели в сарае, я мог разглядеть этого человека получше. Он был небрито-черный, загорелый, с короткой стрижкой, в чёрной форме "Waffen-SS". На нарукавной нашивке расстёгнутого кителя была эмблема из синего, красного и оранжевых цветов с надписью по-немецки «ARMENIA». Пилотка с круглой кокардой тех же цветов была аккуратно свёрнута и засунута под кительный погон. Всё это было очень странно и неожиданно, тем более, что солдатами в эсэсовской форме занимались только

особисты и живыми их видеть до этого мне не приходилось. А тут ещё и армянин! Он понял мой молчаливый интерес и стал пытаться объяснить мне, кто он, и что означает его форма.

– Понимаешь, я попал в плен в 41, был в лагере для военнопленных в Хмельницкой области «Гросс-Лазарет Славута», не кормили, вначале только вареную капусту как свиньям в корытах давали. А тут ещё приехали однажды армянские офицеры в немецкой форме, собрали всех армян в лагерной столовой накормили, раздали листовки на армянском и предложили, чтобы помогли Вермахту. У них там есть один министр, очень хороший – Розенберг. Он считает, что армяне – арийцы, и их как евреев убивать не надо. А ещё у нас там побывал сам генерал Дро, слышал про такого?

Я отрицательно мотнул головой.

– Он столько турков в 18 году порезал, настоящий герой! Обещал, что в Ереван войдём, своё, без русских государство создадим, Арцах и Джавахк присоединим, Арарат от турков освободим!

– Зря поверили, – с трудом выдавил я из себя. Такой крамолы я ещё никогда в жизни не слышал, а в мирное время и побоялся бы дальше и слушать.

– Ну, а как же другие на это посмотрят, грузины, азербайджанцы? Ведь в рядом с деревней моих родителей тоже азербайджанская деревня была.

– А у нас там на подготовке тоже дружба с азербайджанцами и грузинами была. У них свои легионы есть, такие же как наши. Да, теперь это всё неважно.

Разбили русские наш батальон сначала на Кавказе, а теперь и здесь, на Перекопе. Но мы сговорились вместе сдаться, и как только нас в тыл отправили, мы сюда к Керчи двинулись, чтобы фронт перейти и к вам. Ведь здесь румыны воюют, сам знаешь какие они бойцы! Да, не поверят мне, ой не поверят! Не хочу умирать, а ведь расстреляют меня русские ...

Он снова застонал, закрыв глаза рукавом кителя.

– Слушай, когда выйдешь может матери письмо или так передашь, что мол со мной всё в порядке, пусть ничего не узнает про меня, ты как, а?

Я напрягся, но отказать ему не хотелось, понимая всю безнадежность его ситуации. Был бы он русским, его бы и в плен брать не стали, так перекрестили бы автоматной очередью и спрятали бы под убитыми немцами в общей могиле. Но он был армянин! Наверное, оставили в живых на время, просто потому, что инструкций нет, вот и ждут, что скажет начальство. Но ждать долго в таких случаях не принято.

Он присел на соломе. Сделал движение, чтобы что-то достать, но медленно остановился и бросил мне:

– А, вообще, не надо письма, пусть будет так – пусть ничего не знает. И он снова лег на солому, отвернув лицо к стене. После паузы он неожиданно резко повернулся ко мне:

– Ахперь, послушай, ты ведь давно воюешь, и что страшно никогда не было, что убьют?

– О чем горишь! Если рядом кого убьют, всегда радуешься, что не тебя!

Тут я неожиданно для себя стал рассказывать случай, который изменил мое отношение к смерти на войне...

– Один раз, летом, было, стали окапываться, ну на два штыка отдельный окоп я сделал, как слышу вдруг кто-то крикнул: «Немцы! Танки!». Я рванулся бежать и тут раздался рядом взрыв, меня на землю бросило. Когда пришел в себя в боку что-то горячее чувствую. Расстегнул шинель – кровь, но мясо не выворочено – значит осколок маленький. Свои уже дернули прилично, оглядываюсь, а в метрах 30 немецкий короткоствольный танк Панцер. Я с трудом до своего окопа дополз, последнее что видел – лицо немца из под крышки люка, испуганное, наверное, в первый раз на человека ехал. Я лицом в землю, а шинель сверху. Немец ездил сверху по окопу, утюжил его вдоль и поперек, землей завалил, шинель на гусиницу намотал. Мне тогда дышать трудно стало, а дальше ничего не помню. Товарищи рассказывали, что когда танк уехал и меня откопали, то я еле дышал. А когда в себя пришел, то долго смеялся, всех обнимал, да так, что они подумали – свихнулся я. Ранение осколочное было пустяком со страхом в окопе.

Мой визави на соломе напротив слушал мой рассказ очень внимательно, потом задумавшись, медленно произнес:

– Да Астватц, ов прикец кез! Бог тебя спас, счастливый ты, – он вздохнул и продолжил:

– А в моей судьбе рытье окопа мне несчастье принесло. Был я типа ординарца у младшего политрука в начале войны, а он роман с одной связисткой крутил, в землянке, с такой яркой красивой еврейкой. Ну, когда он куда-нибудь уезжал, я к ней тоже приваливался. Всё было бы здорово, да только он это заметил и решил отомстить. Однажды ночью, когда он пьяный был, кто-то из штаба роты позвонил, что надо мол «языка» достать. Ну, он меня разбудил нарочно, и ещё из каждого взвода по 1-2 человека приказал в распоряжение прислать.

Собралась группа из шести человек вместе со мной. До передовой добрались быстро, проволоку разрезали и поползли через поле. Немцы ракетами световыми стреляли. Доползли до перелеска, спустились к берегу реки, и у самой воды нас немцы заметили и открыли огонь. Одного сразу убили, тогда я приказал назад в перелесок ползти. Выползли с убитым, и стали совещаться – что делать. Решили, что убитого надо на месте оставить, и возвращаться назад в часть, разойдемся по взводам и никому ни слова, может пьяный политрук на утро и не вспомнит. А как звали убитого, и кто он – так никто даже и не знал. Ну, я стал могилу, типа окопа копать, через минуты две оглянулся, а остальных уже нет, назад уползли. Только начал я убитого землей зарывать, а меня кто-то сзади по голове так огрел, что только у немцев я в себя и пришел. Ихняя разведка нас заметила и меня как «языка» они и повязали.

Он замолчал, хотел что-то добавить, но остановился на полуслове.

В это время раздался скрежет ключа в замке, и сарай отперли снаружи. Из дверного проёма темный силуэт в пилотке с автоматом на груди оглушил сарай своим громким приказом:

– Эй, Санасарьян, выходи!

Я встал и хотел попрощаться со своим соседом. Но он сам предупредил меня:

– Руки не жми, а то увидят. Прощай...Хай мынанк...

– Прощай...Хай мынанк...

Я вышел, получил назад всё, что у меня отобрали перед моим «арестом», документы, автомат, и даже тот самый маленький осколок металла, завернутый в тряпицу, который вынули из меня в госпитале. На вопрос дежурного – что это и зачем он мне, я ответил: «Если после войны у меня будет сын, то ему подарю». Он в ответ только улыбнулся и кивнул. Наконец, я стал пробираться к своему взводу, но по дороге назад последняя фраза, сказанная моим "сокамерником", всё никак не выходила у меня из головы.

Да, и сейчас, столько лет после войны, мне хочется всё таки пожать руку тому солдату и ответить: «Хай мынанк, ...мардканц мынанк...останемся людьми ...».

Бад Фильбель,
май 2017

Обычные дети войны

Ольга Ильинская

- Дедушка, расскажите нам о войне.

- Не знаю, что и рассказать, я ведь тогда еще мальчишкой был.

- Но что-то, же вы помните? Хоть что-нибудь, ну пожалуйста, нам очень надо, – он внимательно смотрит на нас, устало вздыхает, закуривает сигарету и начинает свой неспешный рассказ.

Это случилось зимой. Снега в тот год выпало много, и все вокруг было белым-бело. В нескольких километрах от нашей деревни базировались немцы. Деревенька наша была не особо приметна, таких деревень полным-полно было вокруг. Немцы шныряли туда-сюда, но нас не трогали. - Он затаился, тяжело откашлялся и продолжил. - Рядом с нами была балка, в ней прятались партизаны. Жители деревни старались помочь им кто, чем может: кто-то продукты даст, а кто и одежду подбросит. Эти партизаны не раз, нападали на одиночные отряды фашистов и, думаю, попортили им немало крови. – Он снова затаился и замолчал. Мы не мешали ему, сидели затаив дыхание, ожидая и страшась услышать продолжение. Его взгляд, суровый и страдающий одновременно, был устремлен вдаль.

- Этот день мне особенно запомнился, врезался в память, словно кто-то зубилом выдолбил в мозгу. Между партизанами и немцами завязался бой. Всех

партизан положили, а нашу деревню взяли в кольцо. Немцы врываются в дома крестьян, хватали их и сгоняли в центр деревни. Меня, вместе с моей бабушкой, тоже выгнали на снег - босиком и без телогрейки. Мы стояли и смотрели, как в наши дома бросают бутылки с зажигательной смесью. Моя бабушка беззвучно плакала, причитала, сокрушаясь, как мы с ней будем зимовать.

На этом все не закончилось, немцы стали спрашивать, кто помогал партизанам? Да разве ж можно сознаться в помощи партизанам?! Тогда они всех перебьют. Все молчат, как будто в рот воды набрали. Видя, что пустыми угрозами нас не убедишь, они схватили какого-то старика, облили его бензином и подожгли. Все понимали, что это ждет и нас, но продолжали молчать. Не добившись от людей ни единого слова, они погнали нас к обрыву, решив построить нас в шеренги и расстрелять. Но люди в панике не слушались приказов и опять собирались в кучу.

Когда немцы поняли, что не смогут с нами ничего сделать, окружили машинами и стали строчить по нам из пулеметов. Люди падали на землю один за другим, словно подкошенные. Бабушка падая, потащила меня за собой и прикрыла собственным телом. Через несколько минут, решив, что в живых никого не осталось, немцы уехали. – Старик затушил сигарету, швырнул на землю и, опираясь на сучковатую палку, побрел в сторону магазина.

- А что дальше?

- Дальше? А дальше, прибежал один мужик, он спрятался со своей семьей в погребе и его не нашли, он собрал тех, кто был еще жив. Раненных поместил в ближайший уцелевший дом, а меня и еще нескольких детей переправил в ближайшую деревню.

- И все?

- Нет, не все. Утром в деревню вернулись немцы и спалили этот дом вместе с ранеными.

- А вы?! – Он усмехнулся.

- А что мы? Нас перекидывали с места на место, словно мячики, от одних людей к другим... Да, что там говорить, мы обычные дети войны.

ВАНЮШИН

Сергей Александров

Рассказывать эту историю надо, наверное, с конца.

С аккуратненького огородика бабушки Поли на краю давно покинутой деревеньки.

С маленькой четырёхугольной дощатой пирамидки-обелиска на краю того огородика – всего-то высотой по пояс.

С неровно нарисованной красной звёздочки на боку выкрашенной уже многими слоями синей краски этой пирамидки.

И с прибитой аккуратно гвоздиками ниже звёздочки тонкой – сантиметра в полтора шириной – полоске, на которой выдавлено «ВАНЮШИН».

В этой истории будет четверо рассказчиков: я, как услышавший эту историю, и пытающийся воссоединить то, что услышал, в единое целое; Ковылкин Иван Павлович, фронтовик, «сын полка», незадолго до смерти передавший тетрадь со своими воспоминаниями в местный краеведческий музей; Олушева Полина Матвеевна – жительница сгоревшего села Вырово, ныне живущая в Вахнове; и тот, кто по многим веским причинам не смог ничего рассказать, И о котором поэтому расскажем мы трое.

А он как бы будет нам подсказывать, что и как тогда было...

Иван Павлович Ковылкин. С 14-ю по 17-ю страницы тетради

... Я тогда сыном полка стал, в марте 42-го. У меня батьку убило взрывом, а он ветеринаром был в нашем кавкорпусе. Я ему завсегда с ранеными кониками помогал, а иногда, если мелкий какой осколок в крупе засел, то и сам его вытаскивал, а рану обрабатывал.

Меня лошади любили. Я для них специально в карманах таскал кусочки рафинаду и корочки засохшие хлебные с солью...

Так вот, меня наши разведчики после того, как батьку схоронили, к себе и взяли. Старшина дядя Коля, Николай Вячеславович Сорожин, под свою руку определил. И стал я у него типа вестового...

...Мы тогда в полуокружении были. Фашисты с боков нас жмут, а мы им шороху тоже даём! Леса, перелески, дороги плохие. Нашим верхами сподручно – выскочили внезапно, постреляли, погромсали, и айда в лес.

Но меня в такие рейды не брали по малолетству (мне тогда 12 лет было всего). Лишь один раз упротился – взяли с собой проверить деревеньку одну, там накануне партизаны сильно пошумели. Мне даже карабин выдали...

Деревенька вся почти что сожжена. Везде фашисты валяются. Хорошо им партизаны врезали! Я поотстал чуток от своих, они почти к околице уже

подошли. Хотел «Вальтер», что завалился за полуразрушенную печку, достать. Я его издали ещё по мутному такому блеску заметил. Слез со своего Жучка – так моего коника звали – оставил его на дорожке, чтоб о кирпичи бабки не побил, сам аккуратно к печке, и тока руку протянул к пистолету, краем глаза увидал, что крапива вдруг сбоку заколыхалась. Я шею вытянул, смотрю, а там фашист здоровущий на пузе спиной ко мне лежит и выцеливает наших. Как я карабин сдёрнул с плеча – и не заметил, а этот гад вдруг ко мне начал поворачиваться. Ну, я в него и всадил пулю. В шею попал...

Наши сразу прискакали. Дядя Коля фашиста добил, а меня отбранил, что шляюсь, где не попадаю...

А только на Жучке своим отъехал от того места – про «Вальтер» и забыл уж – глянь, малиновые кусты, только зелёными листочками покрылись, тоже шевелиться. Я дяде Коле показал на них. Он ППШ в руку, и потихоньку к тем кустам...

USCHI

Умирать совсем не хочется.

А дышать – больно.

А лаять – очень больно.

Уже ночь прошла после стрельбы и грохота.

Тогда что-то укусило в бок.

Как плеть инструктора.

Только больнее и сильнее.

И никого рядом.

Ворона утром прилетала. Потом улетела. Теперь копошиться за сараем. Мертвечину клюёт. Я чую. И слышу.

Глаза хотят спать. Во сне не так больно...

Кто-то едет на больших животных.

А-а, лошади...

Глаза опять закрываются. Сами.

Выстрел – как по голове ударили чем-то большим – даже глаза разом открылись. И голова с лап поднялась.

Потом - ещё один. Тихо.

Вздыхнул – лапа от боли дёрнулась.

Раздвинул носом колючие стебли.

На меня глядели два человека – большой и маленький.

Глаза снова закрылись.

Ладонка маленького человека коснулась моего носа. Ладонка пахнет порохом, сахаром и лошадьми. А три-четыре сахарные крупинки налипли на пальцы.

С закрытыми глазами слизал крупинки.

Вздыхнул. Очень больно. Очень...

Иван Павлович Ковылкин.

С 19–й по 24–ю страницы тетради

Привезли мы фашистскую собаку к нам. Я товарища старшину упросил. Сказал, что вылечу. И перевоспитаю!

Дядя Коля сказал, что, ежели я фашиста перевоспитаю, мне сразу Героя дадут.

И все заржали. Дураки!

Мне батя давно как-то говорил, что всякая животина понимает к себе отношение. Злобишь ты её, потому как сама душа у тебя злая, чёрная, в страхе живёт и им питается, тогда и животное злобиться, и зубами пальцы оттяпнуть может, и копытом насмерть зашибет. Потому как чует и злобу, и страх – ведь все чувства запах свой имеют. А с доброй душой и ласковым сердцем к ней, без всякого страха или злобы – так животное это враз узнает, и никогда против тебя тогда ничего плохого не выкажет и не сделает...

Так что пускай ржут.

У собаки, что мы нашли в деревне, на ошейнике был медальон. Федька Подкрон перевёл про какие-то уши. Не может такая кличка у собак быть...

Грудь у пса была навывлет прострелена, и крови он потерял достаточно.

Навозился я с ним – будь здоров! Ну, и медсестра наша, Марья Ивановна, очень мне пособила в лечении-то.

И через недели две с небольшим поставили-таки на ноги! И это притом, что мы дислокацию постоянно меняли, воевали, нас и обстреливали, и бомбили. Вот и Федьку Подкрона, ординарца полковника Соколова, командующего нашим кавкорпусом, недавно осколком мины убило...

А медсестра Марь Иванна, видя, что собака постоянно по пятам за мной ходит, как-то сказала, что это Ванюшин перевоспитанный немец бега-

ет. Вот наши разведчики и стали пса Ванюшиным величать...

А Петя Федосов, кашевар наш, даже из обрезка гильзы табличку для ошейника сделал, а на ней выдал, как собаку зовут. С чего бы это? А Петька только ухмыляется. Хотя, когда я пса раненого привёз, он первый орал, что пристрелить фашистского зверя надо. А теперь вот...

USCHI

Слова незнакомые, чужие.

Мягкие, как руки.

А руки хорошие.

Боль убрали, и дышится легко.

Маленький человек всегда рядом. С ним спокойно и надёжно. Он не бьёт никогда, не кричит.

И кнута у него нет. Что-то постоянно говорит мне.

Не понимаю.

Большая женщина сегодня про меня сказала что-то другим большим людям.

Они смеются.

А мне почудилось моё имя. И уши сразу торчком.

Только слово-имя у них длинное выходит.

Наверное, первая половина – кличка маленького человека, а вторая половина – моя...

Уже привык.

И лошади меня уже не боятся...

Вчера поймал зайца и принёс большому человеку, который всегда даёт мне и всем другим каши.

Он что-то сказал, потрепал меня по шее – и положил в мою миску лишний черпак еды...

Надо будет ещё кого поймать...

Иван Павлович Ковылкин.

С 27-й по 31-ю страницы тетради

Ванюшин за мной по пятам бегаёт.

Когда я сплю, сидит рядом, сторожит. Никого не подпускает, кроме дяди Коли и Петьки-кашевара.

В начале июля немец почти оттеснил нас назад, перерезал все наши коммуникации, да ещё и 39-й армии тоже, что нашим соседом была.

Постоянные артобстрелы, самолёты с утра до вечера бомбят. Страшно очень.

Потом пришёл приказ, что наступаем скоро.

Нашим разведчикам тогда дали задание – скрытно пробраться в посёлок Погорелое Городище и по рации координировать огонь артиллеристов.

Меня не взяли. Но, так как погода была плохая – дождь и туманы, я за разведчиками нашими самовольно ушёл. А Ванюшин – за мной.

Разведчики устроились в полуобрушенной водонапорной башне. Ночью я к ним и заявился.

Дядя Коля даже хотел меня выпороть вначале. Потом передумал. Наорал шепотом. И оставил. Сказал, что утром отправит обратно.

А утром вокруг фрицы засуетились. Пушки возят куда-то, мотоциклетки целый час тархтели на север – оттуда грохот сильный шёл. Потом колонна танков туда-

же прошла. И надо же такому случиться, что одному танку водокачка чем-то не понравилась. Он, не останавливаясь, повернул свою пушку и вдарил по нам...

Я почти в самом низу был – меня только оглушило. А шестерых наших – насмерть. Только дядя Коля раненый – ему ноги железной балкой перебило.

А Ванюшин из-под груды досок выполз – ему ничего.

А вот рация – вдребезги...

Мы два дня в развалинах сидели.

Под утро 4 августа наши начали артподготовку. А всё с перелётом – не туда бьют.

Дядя Коля тогда написал на карте, куда надо, карту обмотал куском плаща и мне дал. Приказал, чтоб я срочно нашим доставил. А он здесь ещё побудет, дождётся своих.

Мы обнялись, и я с Ванюшиным побежал к недалёкому перелеску. Уже в самом перелеске меня в ногу дурной пулей ранило. Я Ванюшину свёрнутую трубкой в куске плаща карту в зубы дал, сказал, чтоб Марь Иванну нашёл.

Пёс покрутился около меня, посмотрел, как я перевязываю ногу, потом убежал.

Больше я его не видел...

А через час меня на полпути наши подобрали - они к дяде Коле на подмогу шли и рацию с собой несли...

USCHI

Маленькому человеку было больно – у него из нижней лапы кровь текла. Он что-то мне сказал,

погладил меж ушами, потом тряпку с бумагами мне прямо в рот сунул.

И я понял - надо сбегать за большой доброй женщиной, что убрала когда-то от меня боль.

И я побежал искать её.

Очень быстро побежал.

Потому что знаю, что такое очень больно...

Большую женщину нашёл в какой-то норе из брёвен. Там и другим было больно.

Я положил ей на колени тряпку с бумагой, посмотрел на неё и побежал к выходу.

Побежал назад, к маленькому человеку, которому больно...

Олушева Полина Матвеевна.

В вагоне поезда «Москва – С–Петербург»

Мы с сестрёнкой Феней совсем ещё маленькими были тогда. Мне семь лет, а ей и пяти нету. Папка наш воевал где-то. Мамка пошла в Вахново продукты поменять в обмен на вещи – и не вернулась.

Потом, через два дня, начался страшный грохот. Мы с сестрёнкой в подпол залезли, сидим, дрожим.

Долго грохот был. Потом потише стало.

Посидели мы чуток.

Надо выбираться из подпола. А крышка не поднимается. Её, наверно, сверху чем-то придавило. Только щёлочка малюсенькая – еле ладошка пролезает.

Я под щёлку деревяшку подложила.

И сидим мы в подполе этом и плачем.

Сидим – и ревём в два горла...

Вдруг слышим – что-то сверху зашебуршилось, кто-то ходит.

Потом как будто поволокли что-то тяжелое. Даже деревяшка под люком сломалась, и он снова захлопнулся.

А потом вдруг открылся полностью...

USCHI

Напрямик побежал – по полю, а не вокруг – по лесу. Так быстрее.

Вокруг машины, лошади, люди.

Все бегут, стреляют.

Под лязгающую страшную металлическую ленту чуть не попал.

Надо бежать в стороне.

Еле убежал.

Там, сбоку, всё ещё грохочет и стреляет.

А я по грязной дорожке бегу.

Вокруг – никого.

Потом вдруг сбоку – треск.

Передо мной Motorred остановился.

Слышу – знакомые родные слова;

- Siehe, Kurt, welcher guter Hund!

- Ist verlorengegangen...*

Ко мне подошёл большой человек с автоматом на шее. Погладил меня по голове.

Потом сказал, указав на коляску:

- Platz! **

Всё ясно. Запрыгнул в коляску, и лёг.

Тогда другой большой человек, который сидел спереди на Motorred, засмеялся и сказал:

- Siehe, versteht.***

Которого называли Kurt, сел позади Motorred, и мы поехали.

Дорога грязная, вся в кочках.

На дне – трясёт.

Но – терплю.

Потом, сквозь тарактеные Motorred слышу, кто-то скулит.

Как щенок. Или два щенка.

Выпрыгнул на ходу из коляски.

Побежал в сторону разрушенного дома.

Маленькая длинная щель в земле.

Сверху – бревно.

Вцепился зубами, оттаскиваю.

Тяжело очень.

И ногам больно – порезался об осколки стекла и острые железки.

Вдруг рядом оказался большой человек Kurt.

Он схватил бревно и оттащил в сторону.

Потом потянул за что-то – и открылась нора в земле, где была щель.

А в норе двое маленьких человек на нас смотрят.

И я вспомнил своего маленького человека.

Он где-то остался.

И ему уже давно больно.

А я ещё не пришёл к нему...

Тот, который Kurt, кричит другому большому человеку:

- Jetzt wird der kleine Zirkus!****

Потом взял меня за ошейник, оттащил к Motorred, показал рукой на двух маленьких человек, и командовал:

- Voran! Fass!*****

Я по привычке оскалил зубы и кинулся вперёд. К норе.

И вспомнил, как мне было больно, а маленький человек прогнал боль.

Я резко развернулся и молча бросился на большого человека Kurt.

И только услышал:

- Vorsichtig, Kurt!*****

Олушева Полина Матвеевна.

В вагоне поезда «Москва – С–Петербург»

На нас немец смотрел, и собака немецкая рядом была.

Я видела таких собак. Они с фашистами охраняли наших пленных, которые через нашу деревню весной проходили.

Злющие и страшные собаки!

Потом этот фашист оттащил от нас собаку, заулыбался.

Мы выглянули из подпола.

Фашист с собакой что-то сказал другому фашисту, который сидел на мотоциклетке.

Оба засмеялись.

Потом тот, кто держал свою собаку, показал на нас, и что-то крикнул.

И собака помчалась к нам!

Я от страха заорала и закрыла лицо ладонями.

Вдруг слышу рычание. Потом крики.

Потом два выстрела.

Потом опять страшный крик.

Потом выстрел.

Потом стало тихо.

Я отняла ладони от лица.

Смотрю, Феня вылезла из подпола и к собаке идёт. А собака на фашисте лежит. Я тоже подошла. Посмотрела.

Первый немец лежал около мотоциклетки с разорванным горлом.

Второй завалился на коляску спиной.

В его шею вцепился немецкий пёс.

Собака вся была в крови и ошмётках шерсти.

И часто-часто дышала.

А из боков свистело.

Я погладила её по носу, и она отцепилась от фашиста.

Мы с Феней еле-еле оттащили собаку от мёртвых немцев.

Я нашла у себя в кармашке маленький кусочек рафинада – его мама дала мне перед уходом. И Фене такой же дала, но та его давно зализала.

Этот кусочек я протянула собаке.

Она чуть открыла глаза, лизнула сахар.

Потом глаза её закрылись.

И она умерла...

Мы с Феней на краю огорода выкопали могилку, обложили её изнутри досками, что нашли в нашем разрушенном доме.

Потом я заметила какую-то табличку на ошейнике.

Сняла ошейник и оттерла табличку от грязи и крови.

На желтой металлической табличке было выдавлено «ВАНЮШИН».

Всё.

Примечания.

USCHI – распространённая немецкая собачья кличка.

Motorred – мотоцикл.

- *Siehe, Kurt, welcher guter Hund!* (- Смотри, Курт, какой хороший пёс!

* - *Ist verlorengegangen...* (- Потерялся...)

** - *Platz!* (- Место! - термин немецкой дрессуры.)

*** - *Siehe, versteht!* (- Смотри, понимает!)

**** - *Jetzt wird der kleine Zirkus!* (- Сейчас будет маленький цирк!)

***** - *Voran! Fass!* (- Вперёд! Взять! - термин немецкой дрессуры.)

***** - *Vorsichtig, Kurt!* (- Осторожно, Курт!)

Русская любовь

Владимир Чикуров

У некоторых людей может сложиться впечатление, что душевная женщина сентиментальна и слаба, но это совершенно не так. Настоящая женская любовь, каким-то непостижимым образом вмещает противоположности и способна творить настоящие чудеса. Вот один из реальных случаев практической Силы Небесной Любви.

Сороковые годы двадцатого века. Уже целый год гремит Великая Отечественная Война. Жена собирает мужа на фронт. На лбу так и норовят появиться морщинки серьёзности, но она прогоняет их внутренним усилием. Всё готово, дети мал мала меньше хлопают глазёнками, не понимая, что происходит – в доме непривычная тишина, всё пространство напряглось в ожидании. Муж берёт вещмешок и говорит: «Продолжай любить так же, как любила, и я вернусь». Нежно сгрёб всю семью в охапку, расцеловал и ушёл. Вечером деревенские бабы слышали, как где-то неподалёку в лесу выла их молодая соседка, но это было первый и последний раз. После этого, больше никто и никогда не видел её грустной.

Какой-то стальной стойкостью, сквозь зубы, раз и навсегда она решила, что в её семье всё будет хорошо. И где бы ни был её муж, его всегда обережёт её непоколебимая любовь.

Каждое утро дети слышали только её радостный смех и ласку. Они знали, папа вот-вот вернётся и привезёт им гостинцы, но когда это произойдет, никто не знает. И чтобы папа вернулся быстрее, нужно посылать ему добрые мысли и желать успешно завершить все свои дела. Каждый день, садясь за обеденный стол, кашку первому накладывали папе, а вдруг он сейчас заявится... . Мама всегда ведёт себя так, как будто папа уже здесь, а иногда даже и разговаривает с ним.

Через три года всё та же весёлая мама только наложила в тарелку «нашему папочке» кашу, как открылась дверь, и через порог перешагнул, улыбаясь, отец. «Папа! Папа приехал!» все бросились к нему, и только одна жена стояла и не могла сдвинуться с места. Она что-то попыталась сказать, но из её груди вырвался только стон. С усилием потянулась к нему и начала оседать. Отец быстро подбежал к ней, подхватил на руки и зашептал: «Ну что ты, что ты, Настенька, всё уже позади. Спасибо тебе, Любовь моя».

Вся грудь в орденах, ни одного серьёзного ранения, мысль любящей женщины оберегала его и днём, и ночью. За все три года она не допустила даже намёка на другой исход этой командировки – продолжала весь поток своей любви посылать любимому, и вот он снова дома. Так русская любящая женщина помогала ковать победу и в тылу, и на фронте одновременно.

Оглянись: 22 Июня, 1941 года...

Марк Турков

Предрассветное небо затянули чёрные тучи и, на спящую землю обрушился дождь. Но тучи эти не были сгустившимися облаками – даром планеты, а дождь не был живительной влагой для жаркой июньской ночи.

Предрассветное небо закрыли от восходящего солнца тучи железных машин, из которых на спящих или только ещё пробуждающихся людей посыпались мириады смертоносных зарядов, мгновенно уничтожая города и сёла, разрывая в клочья спящие тела - высвобождая из них потоки крови которые, струясь по горящим развалинам, слились в единую реку: кровь мужчин, женщин, детей; кровь беларусов, украинцев, русских, евреев, грузин, узбеков, казахов – словом всех народов населявших необъятную землю – столь желаемую врагом. И этот озверевший враг захлебнулся, сгинул в этой кровавой реке, пусть не сразу, а спустя годы отчаянной, бескомпромиссной битвы.

Пятьдесят лет спустя потомки тех, кто защитил страну, тех, кто отдал свою жизнь ради свободы своих близких, своей страны продали её, эту страну, эту «Родину-Мать» потомкам тех, кто не смог сокрушить её огнём и мечем.

Развращённые, без веры и чести они, эти продавцы жадные до богатства, передрались между собою,

походя убивая слабых и сомневающихся, орошая невинной кровью могилы павших отцов и дедов.

Письмо

В кислой сырости окопа, привалившись к брустверу, Гойхман потирает руки о приклад винтовки, изредка согревая застывшие пальцы дыханием.

Ноги его прочно увязли в земле наспех отрытого окопа и, казалось нет такой силы которая могла бы вырвать его из ужаса войны, из одиночества тысяч таких же как и он одиноких, коченеющих здесь, в жиже талого снега, мужчин.

Сквозь паутину колючей проволоки они всматриваются в испарину рассвета, силясь не пропустить три зеленые ракеты, означающие начало атаки.

Никто не может видеть улыбки, спрятанной им в согреваемых дыханием руках. Ему не холодно: в левом кармане гимнастерки лежит письмо от жены. Письмо искало Гойхмана по дорогам войны так долго, что бумага пожелтела. Но слова уцелели и теперь жгут все его существо – будоража, казалось давно уснувшую страсть...

«...а это обручальное кольцо для меня как частичка тебя, отблеск твоих чувств, твоя горькая слезинка... грань нашей разлуки и мерцающий свет... Как несправедлива жизнь! Забрать все и оставить только это колечко... Я очень люблю это маленькое чудо -самый дорогой подарок в моей жизни. Я смотрю на него и блистанье случайно упавших лучей

как будто передает мне твоё настроение в данную минуту. И блеск бывает разный. Когда ты грустишь и томишься желанием – блеск тускнеет, а когда радуешься удачам – блеск ровный, спокойный и, я знаю: где-то, пусть пока далеко...очень далеко...мой любимый...и... самый дорогой человек... любит меня, помнит обо мне...»

Гойхман вглядывается в рассвет сияясь не пропустить три зелёные ракеты, но видит перед собой лишь лицо женщины... женщины горячо любимой им, оставленной в смятении чувств именно тогда, когда пришло время любить...

Она нежно смотрит на него, прикинувшись к её коленям, поглаживая волосы его убаюкивая:

«...иногда я не выдерживаю и целую своё колечко, а оно все-все передает тебе! Поэтому ты и чувствуешь мои прикосновения – ведь я действительно в этот момент целую тебя... Мальчик мой любимый! Дитя ты мое горемычное!

Как я могу позволить, чтобы кто-то другой прикоснулся ко мне, когда на мне живут, горят, дышат твои уста, твои руки, твои глаза!

Близость с тобой... Для меня это было как очищение от скверны! Как отпущение грехов... И променять это я не могу! Ты – мой! И настолько, что никогда не будешь принадлежать кому-то! И я – твоя! Я – твоя жёнушка, твоя...»

Он ощутил её прикосновение на своих щеках и губы его потеплели от её поцелуя...

Смешиваясь с дымом горящих блиндажей пороховая гарь, прибиваемая скучным весенним дождеком, стелется по-над землей. Дождь моросит уже второй час, начавшись вместе с атакой по сигналу трех зеленых ракет.

Стремительный бой отбросил противника на несколько километров и, теперь похоронная рота обходит поле сражения собирая страшные плоды войны.

- Ну, все...

- Кажись всех наших нашли? – переговариваются солдаты пробираясь вражеским окопом.

- Не-а! Смотри-ка!

- Шинелька – то, вроде, наша...

За бугром пулеметной точки, опершись о стену блиндажа сидел рядовой. Он смотрел на них такими ясными, голубыми глазами что казалось – само небо струится из них.

- Вставай, друг!

- Хватит отдыхать!

- У повара уж и каша... поспела...

Но солдат счастливо улыбаясь молчал, прижимая к груди руку сквозь пальцы которой еще скатываются рыжие капли...

Пуля пробила солдатскую книжку, какое-то старое письмо и вышла через сердце, унося с собой строку с именем и фамилией солдата.

Пытаясь разобрать эти данные по письму, уже успевшему затвердеть от запекшейся крови, они смогли прочесть на самом краюшке листа: «...твоя Ольга...»

Так они и записали в похоронной ведомости:
«Ольгин, рядовой».

Балтимор, США.

5 июня 1989 года. 58 лет после начала ВОВ

Ветер

Они смотрят друг на друга через пелену дождя, который не разделяет их, а соединяет, передавая размышления высохшего дерева к пожилой даме в окне старого дома.

Она печально смотрит на то, как ветер и дождь треплют безжизненные ветки, обрывают последние, чудом уцелевшие листья и уносит, уносит их куда-то...

Жизнь праздничным фейерверком пронеслась по этому дому и затихла на могилах родителей; погибшего на войне мужа (ее единственной любви) и, вот теперь, догорает в ней и в этом, молчаливом свидетеле.

Пожилая дама ждет окончания жизни. Она знает, что смерть – это лишь новое рождение и она не страшится смерти...

Она не знает своей будущей судьбы, но она мечтает встретить вновь того, кто далекой летней ночью, под вот этим самым деревом, впервые прикоснувшись к ее юному телу шептал ей слова обжигающие не меньше прикосновений... Все сравнивая ее с цветущей яблонею: восхищаясь их красотой и упругой налитостью яблоневых плодов...

С тех пор он называл ее «...яблонька ты моя, не-наглядная...»

...Так и ушел: обнял крепко, жарко поцеловал в дрожащие губы... Сорвал недоспевшее яблоко...

...Так и ушел: с навсегда обритой головой, в серой шинели с катанкой через плечо... Хрустя яблоком и не оглядываясь...

...Так и ушел...

А они остались вдвоем.

Много было охотников поживиться спелыми плодами но они обе хранили друг друга...

Теперь, состарившиеся они предоставлены последнему ветру, уносящему их в небытие....

ЧЕРНАЯ БАБОЧКА

«...Ты здесь, ты – мой! Ты где –то рядом,
Но почему я прикоснуться не могу?

Где ты?

Где я?

Под чьим сейчас ты взглядом?

Кто пьет из губ твоих, усталую зарю?

Во сне?

Во сне я знаю!

Скажи, кто наяву?»

Черная бабочка ночи прикоснулась ко мне следом своих крыльев и растворилась в поле маков – в полыхании алых лепестков, оставив меня одного в пекле бессоницы.

Черная бабочка, вернись! Укрой и усыпи меня. Подари мне сон в котором я буду целовать глаза любимой...

Я очнулся придавленный десятками бездыханных тел еще не отдавших свое тепло вместе с кровью...

Я не мог пошевелится что б стереть ее со своего лица смешавшюся с моими слезами и землей...

Солдаты травили нас собаками, а мама заслонила меня от свирепого пса норовившего вцепиться в меня - так она и упала, когда раздались выстрелы – свернувшись вместе со мною калачиком...

...Удалось высвободить руку и оттереть лицо...Откуда этот нестерпимый свет?

...Другая рука еще прибита еще прибита к доске и какие-то люди суеются рядом... Они вынимают страшные гвозди из моего тела...

...Я вижу среди провожающих растерянные лица мамы и папы и твое, удивленное лицо... Вы не плачете, как другие люди вокруг...

...Это не крест, на котором я распят обагрен кровью – это пересечение рельс на двадцать седьмом перроне вокзала Тэрмини, в Риме...

...Солнце кладет на них угасающие лучи...Как на струны арфы ложатся руки музыканта...Рождая звуки...Моего о д и н о ч е с т в а. Которое заглядывает в сердце леденя его неизвестностью...

...зеленые ракеты в черном небе... Как твои зеленые глаза в нашу белую ночь... И зажатые слезы

в них... и единственная свеча Перголези... И бархат твоего плеча у меня под щекой...

Я же запретил себе думать о тебе! ...О твоих ненасытных губах, о твоих нежных руках, о твоих зеленых глазах...

...Почему так много людей здесь, на лесной опушке, слушают симфонический оркестр сидя и лежа на траве... А ты любишь босой бегать по траве...Я силюсь разглядеть твою улыбку в толпе, но она обращена не ко мне: ты смеешься в ответ какому-то парню...

Я зову тебя, зову тебя. Зову...т е б я...

Нет, это не ты... Это бежит навстречу мой сын! Как он вырос!

Я зову его, зову его, з о в у... е г о...

Меня не слышно...Взрывы...Выстрелы...Фейерверк по случаю праздника...

Потянуло ледяным ветром. Но мне не холодно: в боковом кармане лежит письмо от тебя...

Только бы не пропустить три зеленые ракеты... Вот они. Надо идти...

Ухожу далеко по дороге

Которая снится...

Не беру ничего –

Только трепет любимых

Ресниц...

Все равно не живу,

Так неси же меня колесница

Неприкаянных снов,

Приходящих ко мне наяву...